

18+

Сборник из двух частей

ДОБРО

Павел Нефедов

Павел Нефедов

Добро. Сборник из двух частей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56996120

ISBN 9785005114662

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Как чутко знать добро даже в злом. Кому-то дано видеть единство этих двух берегов, а кому-то нет. Именно для вас, мои дорогие, эта книга. Добро – это миры в одном большом мире. Научившись знать эту истину, вы во всем будете видеть доброе. Правда, есть нюанс, иногда будет возникать желание проказничать. И тут только от вас будет зависеть, добро это или нет.

Содержание

ДОБРО	5
ДОБРО. Первая часть	7
МОЕ УТРО	7
ВЫХОД, ОН ЖЕ ВХОД	21
СОЗИДАНИЕ	43
ОТРАЖЕНИЕ	81
ЛЮБОВЬ	99
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Добро. Сборник из двух частей

Павел Нефедов

© Павел Нефедов, 2025

ISBN 978-5-0051-1466-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДОБРО
Павел Нефедов

(Моему сыну)
22.08.16

ДОБРО. Первая часть

МОЕ УТРО

Сон... Ветерок развеивает мои нежные и податливые от возраста волосы. Прекрасно чувствуя себя, я открываю глаза... Нет, это не сон, просто мимолетная забывчивость моего обычного восприятия. Того, что когда-то трогало струнки моей, не побоюсь этого слова – прекрасной души.

– О Боги! Она поет! Она проснулась и поет! Как же так, это чудо? Нет. Все то же восприятие, все как обычно: тот же стол, та же обстановка в комнате. Улица в том же цвете лета, и надежды на более лучшее, чем есть. А куда уже лучше, когда все рядом, все во мне. Я люблю себя, свое тело, мысли. Я люблю своих близких, родных, соседей, свою страну, нашего самого лучшего на земле президента. Значит ничего не поменялось, я все тот же ребенок, тот же розовый дух бытия и счастья, как с рождения. Мне не нужны деньги, работа, все и так есть, все рядом. Мир не вокруг меня, он внутри меня. Я и мой Бог, вселенная, все со мной. Ах... Я начинаю понимать... Дело не в ком-то, чем-то, не в смысле, дело в априори, в умиротворении, в процессе, по пути к счастью, к любви, ДОБРУ!

Маленькое утреннее чудо поднимает мое сознание, а вме-

сте и с ним поднимается мое тело.

– Понял... Осознал, это чувство эйфории и удовлетворения и есть мой двигатель, мой механизм для самосотворения будущего. Я так счастлив, и мой внутренний мир открылся для информации, для себя, людей, моей семьи. И уже не в глубине души, а на поверхности витает мысль, понимание – Я, это то, что я мыслю, делаю, чувствую. Ой... Муха жужжит! А как красиво, не сбивает меня с ритма, не мучает своим присутствием, будто в такт моим подсознательным вибрациям отбивает ритм красивых мыслей тонкого понимания бытия.

Я согласился с ней, но внутренний голос говорит:

– Пора вставать, пора творить!

Ведь какая правильная вещь утверждение: «Движение, это жизнь!» В созидании есть чудо того, как первобытный человек познал свою сущность, свой внутренний мир, своих предков, потомков. Созидание, жизнь, движение и есть одно целое, что нас делает людьми, самыми прекрасными существами на нашей планете. А можно сказать, на нашем острове под названием: «Счастье».

Встаю, по привычке поправляю волосы.

– Ох... Они еще и приятно пахнут.

А что для этого потребовалось? Просто почувствовать это, просто поверить в это! Вот и открылся секрет долголетия, – силы вечной молодости. Хочешь быть молодым, талантливым, красивым? Стань им... Будь собой, полюби все

это. Все то, что дорого. А все что с тобой связано и есть твоя проекция, твоя жизнь. Одень на себя одежду, что по душе, ту, что вызывает в тебе детский восторг. Прими свои мысли, но с нежными чувствами.

Медленно встав, я бы сказал, с любовью к каждому движению своего воздушного тела, я вдруг невзначай оглядел пол.

– Что это за узоры? Ведь кто-то это все придумал, смонтировал в своем богатом воображении. Да... Это точно с душой. Это точно для меня. Ведь я живу в этой квартире, мне нравится ходить босиком по этому шедевру.

Искорка... Без сомнения сильнейшая искра... Я вижу, и знаю, я опять понял...

– Талант! Талант... А в чем он заключается? Да... Знаю, вижу, чувствую.

И как бы невзначай начинаю себе объяснять. Нет не шепотом, не мысленно, просто объяснять глубоко внутри.

– Я талантлив! Все талантливы! Возьму для примера сомелье. Ох как красиво звучит!!! Только талантливый человек может позволить себе придумать такое невероятное, и наполненное смыслом и красотой слово. Так вот сомелье... Он Моцарт своего дела, и хранитель. Он читает код напитков, как его читает по нотам музыкант в своих шедеврах! Ноты, рифмы, вдохновение, любовь к родному делу! И это даже не профессионализм. Это поэзия осознания любого вопроса изнутри!

Я оглянулся, опять линолеум. Есть внутренний вопрос...

– А из чего он?

Пауза. Нет, дело же не в том, что я стал вспоминать прикладные науки. Дело глубже, опять намного глубже.

– Понял!

Я сам могу объяснить из чего он, и как создан. Просто расслаблюсь. Забуду язык мира, и по своим внутренним ощущениям воссоздам свою науку, истоки, процесс и наконец, пояснения, и обычные человеческие, не навязанные кем-то, а свои обозначения.

Все... Точно понял: из чего, и как он был сотворен, сделан, рожден на свет.

Опять это ощущение внутреннего спокойствия и блаженства... Я сам могу все объяснить. Главное для этого мне не потребовалось времени и старания, бесконечных поисков, споров и само копаний. Я отпустил значимость этого вопроса, и стал сомелье... Сомелье всего, что можно назвать этим красивым словом. Поистине, прекрасным продуктом человеческого мышления, в сочетании с душой.

Стоять-то я стою. Но как? Почему задумался? С какой целью? Возможно, просто поймал внутреннее спокойствие. На секундочку почувствовал свою значимость, но не вступая на ступень выше других. Просто так. Для мира в своей голове.

Такое ощущение, что я чувствую знакомый мотив... Что это? Мелодия? Песня? Танец? Поэзия??? Ага... Догадываюсь, это опять нотки моей души. Хочется творить, петь, пля-

сать, рисовать!

Опять прокручиваю в голове: это не талант, это что-то на более высоком уровне. Что не могу объяснить. Не могу понять. Да... Осознаю, что не нужно ничего понимать. Просто это есть. Это со мной!

Быстрее... Ручка... Листок бумаги...

– Уф. Нашел!

Присел? Или до сих пор стою? Не понимаю, но уже пишу. Но что? Не важно. Главное оно приходит и растворяется на бумаге.

Стоп, почему застыл в безмятежном камне? Нет мысли. Нет ничего. Пауза... Время... Понял! Я начал задумываться, что писать. Именно поэтому вдохновение ушло. Забылся... Обнулится... Все я чист! Не нужно слов, мыслей, споров, и определений правописания.

– Урааа... Да... Боже... Да!!!

Рука снова двигается. Что-то появляется на бумаге! Все... Счастлив! Не перечитываю. Не переживаю, как оно будет. Да и зачем? Я просто что-то передаю... Что-то искренне хочу донести, хотя бы на бумаге. Я искренне верю, что она живая и наслаждается чернилами, которые впитываются с созидательным ощущением бытия!

Вот и пускай льются, текут и радуют бумагу. Как магия, как нежность всех чар любви и очарования, с которыми я могу передать свой внутренний мир!

– Да, живу! Да, пою!

Есть понимание того, как мне хорошо и равновесно талантливо!

Как же так? Отвлекся... Забыл, – ел сегодня или нет? Нет, я же только встал. Мне не ведомо, хочу я совершать этот процесс или нет.

Да, но как же осознание того, что мою оболочку – тело нужно поддерживать? Ага... Вот мое приземленное. Вот мой эгоизм... Хотя нет. Душа едина, она не частица вселенной, она и есть вселенная внутри себя. В ней то, что все любят, ценят!

Но как это объяснить?

Нужно ли объяснение понятных обозначений и пропорций???

Нет... Не нужно... Смысл теряю... Отвлекся.

– Аааааа...

Вспомнил! Даже не вспомнил, просто пришло!

– ДОБРО...

– Добро... Добро!!!

Записал на листке и замер... Что это? Это все. Что я написал???

А сколько времени прошло?

– Часы, часы... Так стена... Вот они! Нет, не может этого быть... Стоят.

– Хорошо-то как! Часы стоят, значит я не узнаю времени. И не пойму, сколько ушло этих земных частиц на написание слова «Добро»!

А как все прошло... Как прожил это... Внутри, снару-

жи!!! Почему слезы текут? И почему я их не вытираю? Осознаю... Из-за того, что они связаны со счастьем! Не стыдно!!!

– Ха... Стыдно!

Кто придумал? Но звучит красиво! Вот и не трогает это меня понятие. Я люблю, когда стыдно... Ведь мои ассоциации с этим понятием, только положительные.

Стыдно, нежно, красиво! Во всем этом есть вклад, поистине только счастливого человека.

Так... Написал... Поплакал... Что дальше? Думаю... Нет, уже просто чувствую... Дальше тоже самое: буду творить пока на душе хорошо!

Одно лишь слово... Добро! А сколько в нем смысла, нежности, ласки! Какое невероятное чувство блаженства! Пишется история... Начало... Продолжение... И даже чернил не нужно. Возьми хоть ручку, хоть электронный носитель. Все внутри, все в себе.

Значит, когда кто-то и где-то прочтет или услышит, то... Поймет... Все красивые и нежные истории пишутся внутри... В своей глубинной вселенной!

Хорошо, когда можешь не писать... Пускай каждый, кто прочтет название: «Добро», создаст свою внутреннюю книгу. Свою историю, летопись.

Грезы, мечты... Как не назови, они всегда с нами. Не нужно желать, думать, хотеть!

Просто необходимо доносить себе самому, что все пре-

красно. И счастье это ты и все, что окружает!

После повисшей паузы в плотном слое воздуха, до невероятности и волшебства, в знакомой мне уже комнате, наступило великолепное чувство негодования, или смятения, но искреннего и родного!

Значит пора двигаться дальше, с присущем мне балансом, во всем теле.

– Стоп! Почему я один? Этого не может быть!

Я ощущаю безмерное тепло в груди! Не предвестник ли это, присутствия родных и близких мне людей?

Вера в существование похожих душ в одном пространстве с моей, придала мне сил и уверенности в каждом последующем движении. Как приятно так думать и знать, что я прав.

А к чему я об этом стал думать? Все верно... Я живой человек! И мысль об одиночестве не должна, и не придет никогда!

Дверь тихонько скрипнула и поманила мой взор к источнику приятного шума. Я обернулся... Застыл... Глаза с неистойвой, но нежной жадностью осмотрели около дверное пространство.

– Нет... – Улыбаясь, произнес я. Это просто непослушный ветер, который резво выпрыгнул в приоткрытую форточку, и неутомонно попытался проскочить в щель, между дверью и косяком. Пускай резвиться. Он как ребенок. Как нежный малыш, который притворяясь взрослым, решил следовать за своим намерением.

Отпустив эти мысли, я успокоился... Расслабился...

Вернувшись в состояние понимания, что я все-таки не один, закрыл глаза. И тихонько про себя улыбнулся, но так нежно и красиво, что мурашки пошли по телу.

– У меня же много комнат... Можно во всех посмотреть!

Немного потянувшись... Чувствуя каждую мышцу своего тела, каждый миллиметр своего организма, и проделав ровную и удаленную от гимнастики растяжку, я понял, что вновь навеяло тихое спокойствие душевных нот! Так как полная гармония разума, души и тела преподносят подарок в виде эндорфинов, проскользнувших в самую глубину моего радостного, и по-настоящему живого «мозга».

Наконец сделав первые шаги, мое тело перенеслось в огромное пространство, именуемое холл. Осмотревшись вокруг, в полумраке, произнес:

– Никого!

Вдруг щелчок... Небольшой испуг всех нервных окончаний от яркого света. Улыбнулся...

– Это автомат включения освещения! – Промолвил еле слышно, для успокоения. Смешно и нелепо... Человек что-то создает, изобретает, а потом от этого испытывает, хоть временный, но дискомфорт. Экономия... Бережливость и еще куча непонятных чувств заставляют нас идти вопреки себе. Через свой дух. Удобства не всегда дают эффект спокойствия души. Именно души! Которая нам и преподносит самые искренние моменты счастья и упоения ею!

Дождавшись угасания света, я сделал шаг.

– Включился!

Улыбаясь, как бы торжествуя над своим страхом, я прошел в кухню.

Еще еле доносившийся аромат приготовленного вчера гуляша, слабой ноткой и последними частицами улетучивался в форточку. Я жадно начал хватать их своим обонянием, понимая, что можно просто открыть холодильник и разогреть! Но силы любопытства в вопросе, кто же еще находится в квартире перебороли меня. Тем более, осталось не так много непроверенных помещений. Я задумался...

– В чем смысл этого поиска... Все равно это небольшое истязание отвлекает меня от самого главного, от обычных и привычных утренних дел.

Хотя если посмотреть с другой стороны, это такое увлекательное приключение для разума. И душа ликовала и праздновала.

Смирившись с нелепыми, но конструктивными мыслями, я поднес к глазам руку и закрыв их, я как бы перезагрузился на новые поиски.

Немного еще побыв в кухне, я все-таки решил двигаться дальше. Задумано, сделано!

И вот уже передвигая ноги у дверного проема спальни я понял, что подобная тишина в квартире может означать только одно, – все спят. И нет необходимости шуметь своими похождениями, и будить кого-либо.

– Неужели я настолько ушел в творчество, что мирская память меня покинула. И я не понимаю, кто мои родственники, и существуют ли они вообще. Нет, это не так. Есть, и их несколько.

Но к чему эти поиски и суета? Может за развитием пути своей мысли и души, я упустил понимание, какие у меня отношения со своими домочадцами?

Наконец сильный интерес к этому вопросу пересилил, и я зашел в комнату.

Приглушенная дымка темной спальни, невероятным шлейфом накрыла с ног до головы. Непонятым вихрем, энергия воспоминаний вошла напрямую в сознание, и выплеснулась сердечными переживаниями.

– Все ясно, почему... – Мысль пролетела мимолетно в моем сознании. – Это место дополнено семейным ложем. Здесь витает энергетика любви и секса, бурных эмоций и чувств.

Глаза медленно закрылись, и я почувствовал неутолимую радость, накопленную семейными ценностями.

– Теперь точно уверен, что не один, и у меня счастливая жизнь!

Осмотрев комнату, я незаметно для себя присел на большую и мягкую кровать. Быстрый, но осозанный поток информации, в виде воспоминаний, заполнил мой мир красками, о которых можно только прочесть в сказке.

Ободрившись подобными мыслями, я не спеша встал, и продолжил свой путь. И уже медленным и грациозным ша-

гом, я направился к порогу новой комнаты.

Ей оказалась детская.

– Детская! Детская! – Протяжно, и так радостно произнес я вслух.

Через голову по кровеносным сосудам приятное чувство влюбленности пролетело прямо в сердце. Необыкновенным вихрем закружило там, и навсегда засело в глубине неведомой и таинственной сущности.

– Но почему о детях я подумал во множественном числе? Небольшая личная пауза...

– Ураааа, – внезапно закричал я.

Восторженно раздался резонансом от стен мой возглас. Легкое помутнение в голове напоминало те чувства, которые я испытывал, когда первый раз влюблялся, первый раз что-либо познавал и осознавал. А связано оно было с ощущением грандиозной радости, ведь я мог с уверенностью сказать себе:

– У меня двое детей – девочка и мальчишка!

Не то, чтобы все это утро я испытывал амнезию, просто вчерашние события заставили меня плотно отключить разум, и уйти в безвременную яму. Именно поэтому, слово: «вчера» – является неопределенным и виртуальным. И именно «сегодня», подобно младенцу, я осваиваю навыки своей памяти. Причем вспоминая только приятное и хорошее моему восприятию. В этом и заключался секрет моего эксперимента с памятью. А если подумать о том, что я явля-

юсь психоаналитиком, то тем более все складывается.

Неслышный ветер сбил мои мысли и приземлил своим упорством. Я не торопясь подошел к форточке, и небольшим усилием прикрыл ее.

– Стало довольно душно. – Ухмыльнулся я. – Ведь в поисках памяти, я позакрывал все входы и выходы свежему воздуху, надеясь не выпустить наружу ее величество – память.

Странно! Я совсем не испытываю дискомфорт от остановившейся циркуляции воздуха. Легкие вбирают живительную энергию легко и непринужденно. Волна нового озарения проплыла ровным перекатом по всему телу. Оно явно давало понять, что эта легкость от моего спокойствия, как душевного, так и окружающей меня обстановки в квартире, в целом. А ощущения духоты – лишь мысленная привычка!

После некой паузы, до меня дошло. Я просто пришел к единству души и разума. Теперь не нужно приучать себя выходить из оболочки, – так я называю свое тело, в меру фантазии психолога, и следуя приемам психоанализа. И не нужно со стороны наблюдать, как сданное в аренду тело, занимается бытом. А я управляю им, якобы имея ответы на все вопросы, и анализирую все действия вокруг меня.

Для себя в голове я прокрутил открытый мир эзотерики, его принципы. И стал практиковать это учение на себе. А именно, там говорилось, что ко всему нужно подходить с отстраненностью, и необходимо проснуться от сна, некой матрицы, в которой находится большинство людей. Возмож-

но, для психолога это показалось бы смешно. Но кто установил рамки познания, и всего сущего на земле? Именно потому, что я имею современный и независимый взгляд на все, что происходит во вселенной, я начал практиковать эти эзотерические догматы на себе. Самое, что интересное, – они работают, и невероятно совершенствуют меня в повседневной жизни. Именно это учение вознесло меня до вершин добра и самых теплых чувств.

Странная и яркая вспышка...

Очнувшись, я ощупал все свое тело.

– Не сон, – пробормотал в некоем бреду я.

Единственное, что пришло мне в голову, после пробуждения: «Мария!»

– Кто это? – Спросил сам себя, – И почему все, что я помню, это вчерашний гуляш, некое количество своих родственников, детей, и принадлежность к этой квартире? Теперь еще и имена всплывают незнакомые.

Тут я увидел, что находился возле входной двери, которая просто кричала мне, что она выходная...

Вспышка...

Я увидел белый фон, который налез на темный, как при обмороке. И тут начался сон, а возможно обычное внутреннее кино из мыслей. Но настолько яркое и зрелищное, что очень захотелось наречь его сном.

Вдалеке стояли люди. И они не просто были людьми, а воплощали собой еще и чувства. Они махали руками, и печаль-

но опускали головы. А затем они начали удаляться.

– Люди – чувства, – пробормотал я в состоянии обморока.

Когда они приблизились к маленькой темной точке, она открылась, впустив ярчайший свет. Тогда я понял, что это была моя семья. А дверь, в которую они уходили – являлась выходом из квартиры, но выходом для меня. – Я уходил от семьи, и своих чувств, что являлось одним и тем же...

Свет...

Вспышка ярче света...

Мягкий свет...

Я лежал на полу и понимал, что мое видение прошло, и я остался один на один со своей амнезией и входной дверью, которая теперь точно являлась выходом.

ВЫХОД, ОН ЖЕ ВХОД

Рука сама потянулась к двери.

– Возможно уже все решено! – Воскликнул внутренний голос. – И я прошел определенный путь для этого решения, а вернее сказать ДО этого решения, как до определенной ступени, в бесконечном множестве лестниц. Может быть мне что-то открылось, я ощутил этот свет, а теперь разумное забыть, ну как смакование пути в неведении.

Дверь немного приоткрылась.

– Сильно, – подумал я.

Резкая вспышка...

Сработал эффект обратной отмотки кадров из жизни. Информация бурным потоком затопила мой разум: Мария... Петр...

Начали всплывать имена, события, мироощущение. Память восстановлена. Но складывается некое непонятное состояние. Состояние стороннего наблюдателя. Словно я вижу себя, свое сердце, душу, разум, которые объединяют мое сознание – то, что сейчас есть я – наблюдатель. Я вижу свою семью, друзей, Вадима-ювелира, шамана – это все люди из прошлого мира.

– Прошлого... – Задумался я. – Значит дверь здесь не просто так символизирует сама себя, и дальнейший путь!

Вся картина, которую я видел – семью, себя, Марию – свою маму, была, как разрозненная когнитивно, – все люди и события были сами по себе, раздваивая себя до бесконечности, так и цельной – я знал, что это все и есть я!

Но особенно, самый сильный поток информации, шел от Марии. Будто бы она была самым мощным звеном, рядом стоящим со мной, как в клеевой структуре частиц.

– Она внутри меня, и что-то хочет мне передать, – сказал я вслух, – я сам себе что-то хочу передать. Какие-то дальнейшие инструкции – что мне делать, и куда двигаться.

Я понимал, что во мне находилось некое божественное, степенное и недвижимое. Но оно лукаво спряталось за мной, как за человеком, наделяя меня разными ролями. Как например, – я был Марией в прошлой жизни, в прошлом ми-

ре, и так далее... И теперь это божественное – мое Сознание (находящееся со знанием, как наблюдатель всего воспринимаемого), пыталось через мой опыт пройти очередной путь. Словно человек, для смены обстановки, переехал в другой город, и нашел другую работу.

Я открыл дверь...

Свет, невероятно яркий свет.

Когда глаза привыкли, тональность изменилась, и свет стал привычным. Я увидел за открытой дверью природные просторы, а не лестничную площадку.

Передо мной все плыло волнами. И это было настолько явным, что можно было заметить края от волн текучего пейзажа. Не было страшно, совсем. Даже наоборот, очень хотелось поскорей ворваться в эту неизвестность. Складывалось впечатление, что я действительно уже прошел определенный путь самопознания для того, чтобы бросить старый мир. А впереди... А впереди только построение нового. Да и этот мысленный очерк в квартире был подсознательным, как бы нечеткие вспышки привычного разума – мол, давай останемся, вдруг ты передумаешь идти дальше.

Вспышка...

Свет на этот раз не взрывал мозг, он приятно убаюкивал. Я уже знал – выработалась интуитивная связь, что за вспышкой пойдет какая-то информация. И точно! Возле двери стояла семья, друзья. Они протягивали руки. А когда я протянул свои в ответ, мы все по очереди обнялись. Потом все

вместе. А затем и вовсе слились в одного меня. В этот момент ко мне пришло то знание, которое было дано мне с рождения, и лишь иногда покидало: я источник, я один! И все, что я могу воспринимать – это мой интерес жить. Открыл глаза, ум, рот, уши, сердце – появилось. Закрыл – исчезло.

Как только пришло это знание, я вновь расслоился на себя, своих друзей и семью. Они дружно улыбнулись, и с некой нежной заботой помахали мне рукой. А потом все вместе указали на дверь, но делая это, так мило, что очень хотелось подчиниться, не думая ни о чем.

– Мы всегда будем рядом! – Сказала Мария, мама из моей пока еще реальной жизни.

– Мы всегда будем в тебе! – Произнесли они одним голосом, похожим на мой, но в сторонней тональности, будто я слышал себя через экран телевизора.

– Создай то, что всегда хотел! Отбрось все якоря...

Свет сменился на интерьер прихожей. Прежнее видение восстановилось, хотя и находилось в неопределенном фокусе – за дверью-то была непривычная природа...

– Я не испытываю никаких чувств! – Сказал с интонацией оратора я сам себе, но вслух. – Вот, что так необходимо многим людям, а именно мне для того, чтобы сделать любой шаг. Любой! Хоть ногой, хоть разумом.

Так и было, я не ощущал привычных сомнений, связанных с чувственными качелями – туда-сюда. Во мне сидело лишь чистое намерение – желание, которое уже исполнено

в любых вариантах из множества вечностей... – то, что сбылось и не сбылось одновременно, как баланс все-ничто.

И самое, что интересное – я знал все эти переживания, ведь они были моим настоящим! И мне не требовалось их обсуждать, обдумывать. Я просто-напросто знал.

Я подошел к двери, пейзаж за ней по-прежнему расходился волнами. И как только я встал ногами на порог, волны рассеялись. Наступил штиль реальности за дверью.

Я шагнул.

Свет, но уже слабенькой вспышкой...

Ведать, так мой разум бережливо относился к моему восприятию. Чтобы не было сильных ляпов – переходов от кадра к кадру. Действовал некий видео и звуковой редактор.

Действие стабилизации изображения мне понравилось. И то, как я вошел в эту природу. Я не осознавал, что она была непривычной – не такой, как на земле, хотя я еще не знал, где я вообще нахожусь. И эта неосознанность помогала мне спокойно даже дышать, при том, что носоглотка не работала в привычном режиме. Я не дышал, как принято в привычном мире.

Вокруг все пестрило красками.

– Я попал в 4К изображение, – ухмыльнулся я. На тот момент это было самое новое и крутое восприятие изображения для людей.

Этот мир и впрямь был чудесным. Нет, на первый взгляд, он не отличался ничем от привычного, земного. Вроде то же

ощущение времени, такие же очертания, силуэты, запахи, звуки. Но в нем присутствовала какая-то новая загадка, совершенно незнакомая насыщенность. Все было более, и более чем...

Глядя на солнце, сразу было видно отличие – оно постоянно меняло форму, яркость и тональность. Вначале ярло взрывало своим дебютом, после первого взгляда на него, затем словно уходило на перерыв между сценами, а когда зритель забывал, насколько оно сногшибательно, яркий актер вновь выходил на подиум и взрывался новыми позами, и переливами своего грима. Такая картина напоминала восход и закат нашего солнца, но не в таких разных и ошеломительных количествах.

Небо также хитрило. Его и небом-то нельзя было назвать. Оно больше походило на натяжной зеркальный потолок с многоуровневой подсветкой. Причем, и у «солнца», и у «неба» была общность – грациозная синхронизация. Она выражалась тем, что они шедевально исполняли свои сольные роли, но как только дело доходило до общей сцены, они тут же сливались воедино – становились одной сущностью. Будто разветвленная световая и музыкальная аппаратура на концерте, сработавшая в одном порыве в пик сольного взрыва.

Возможно, мозг еще слабо воспринимал такие перемены реальности, поэтому здесь присутствовало, и что-то похожее на облака – для дополненной картины. Некая туманная суб-

станция походила на куски рваной ваты, и при своей схожести с тучами, она имела отличительную черту – все эти отдельные рваные туманные куски были соединены друг с другом таким же туманом, но невидимым... Интуитивным.

– Я вижу то, что знаю подсознательно... – Прокомменти-
ровал я свои новые наблюдения.

После моих слов картинка тут же поменялась. Верх стал привычным, – как солнце, небо и облака, без иллюзорного воплощения.

– Может я сплю? – Спросил я вслух сам себя. – Или нахожусь в какой-нибудь пустыне, где разум подкидывает миражи?

Но пощупав тело сильными щипками, и протерев сто раз подряд глаза, не зная зачем, я вернулся к мысли, что все это происходит наяву, просто в новой реальности, к которой я так долго стремился. А ум – главный источник моего восприятия мира, так обучает меня общаться с новой реальностью. Именно поэтому, когда я начинаю обсуждать происходящее, забыв об обычном наблюдении, мозг возвращается к привычному, чтобы я не залезал в дебри фантазийного. – Где, в принципе, можно нечаянно оторваться и улететь...

Мне удалось остановить внутренний диалог, и вновь впиться с жадностью в этот удивительный мир. Что уж точно было интереснее, чем заниматься привычным ворчанием внутри себя.

– О, чудо! – Воскликнул я, когда мир снова начал пока-

зывать свое волшебство, доверив себя моему восприятию. – Постараюсь следить за своими мыслями, которые уводят в глупую болтовню.

Я отпустил внутри себя все, что только меня держало... И фильм продолжился.

Странное небо, со своими друзьями – необычным солнцем и туманными облаками, немного заскучали. Они так хотели, чтобы их посетил кто-то еще, кроме меня, и на сцене тут же появился горизонт. Ну, вроде нашего, земного, в виде кромок деревьев, или пик гор, или последней видимой черты моря. Только этот горизонт не имел геометрии. Будто это видение более прокаченное, что-то большее, чем 4К – пока не изобретенное, но уже воспринимаемое неким фантазером – ученым. Как пятое измерение, которое существует в одном из вариантов вселенной, но его видит только осознанный, на это измерение глаз. Горизонт был настолько четким и проницательным, что старый и замыленный взгляд притягивался к нему, как самый мощный из существующих магнитов.

– Фантазия природы поистине шедевральна! – Сказал я вслух.

– Это и есть ты, и твоя фантазия! – Прозвучал тут же голос из ниоткуда...

Я даже немного испугался. Но испуг был больше не эмоциональный, как у обычного смертного, а скорее всего логичный и вопросительный. – Меня уже было трудно таким

пустяком удивить, после начала этого необычного путешествия.

– Я просто напоминаю тебе то, что ты упрямо забываешь! – Прозвучал вновь голос, но с более властной интонацией. – Ты уже познал через тысячи миллионов жизней, что ты и есть источник. И все, что ты видишь и не видишь, исходит от тебя. Наблюдай пока, если забыл, как создавать!

Необычно, но я очень хорошо понял эти слова. – Вдруг, я начал осознавать, что я осознаю, как бы это ни звучало парадоксально. Я мог наблюдать то, что из меня исходило – я видел свои фантазии, которые воплощались в новую реальность – в одну из них.

– Я сейчас одновременно изобретаю пятое измерение, – сказал я мысленно, – и тут же наблюдаю за ним... Это так ново и необычно.

Я аж руки потер от удовольствия. Что что, а вот земные привычки выражения чувства – пик наслаждения.

Новый мир сразу же понял, что я готов. Он показал мне, как малое может поглощать большое... – Горизонт необычайно мощного визуального разрешения слился с небом, солнцем и облаками, превратив их в такую же сочную картинку. Так же изнутри я знал, что это не оптическая игра – вся эта реальность была пронизана изнутри восприятием пятого измерения. Как же было приятно это осознавать, восторг был схож с радостью геймера, который прокачал своего героя мощнее остальных.

Теперь мой процессор был силен. И куда бы я не смотрел, везде было пятимерное восприятие. Теперь я понимал, как расширяется сознание и передвигается точка сборки. Точка, которая фокусирует внимание.

– Как замечательно, – общался я сам с собой, – что эта точка не имеет границ. И что подобных миров с разным восприятием можно создавать бесконечное множество раз и качеств.

Следом за верхом и серединой новой природы подтянулся и низ. Земля, – так я пока еще определял эту платформу, обрела изумительную четкость. Уж здесь-то было поле для творчества нового 5К. Текстуры сами собой позировали перед моим взглядом, словно они соревновались между собой в красоте, и в графической прокаченности. Каждый предмет, да хотя бы взять что-то похожее на камень, имел сильнейшую глубину для прочтения. Словно все здесь скрывало аннотацию к себе, внутри себя, причем, при обычном взгляде на все это разнообразие. Почва – твердь под ногами, заставляла мимолетный взгляд рассмотреть то, что было в самом источнике, да и еще с любого ракурса. – Все процессы, жизнь, образования, смерть. Конечно же здесь все было похоже на землю – малое было точнейшей копией большого, если проанализировать сравнения. Но при этом имелась странная новизна, которую все так ищут. Как путь...

На небольшой цветок прилетело насекомое. Я вначале не заметил, – восприятие уже привыкло к новшеству, но этот

цветок также постоянно менял свой цвет, и не имел стебля.

– Это поразительно! – Восхищался я. – Но что это там еще?

Помимо странного цветка, который, честно говоря, не казался странным, был новый ляп этого мира – новое творчество природы, а точнее моего созидания, насекомое не имело крыльев, хотя оно именно прилетело на этот цветок.

– Это не мираж. – Утвердительно сказал я сам себе. – Я понимаю, что это все отличается от привычной земли, но я уверен, что это все реальность! Меня даже ни чуточку не беспокоит, что я к этому так спокойно отношусь. Значит ко мне пришла функция безэмоционального наблюдения. Хочется верить, что и источник здесь я, но это осознание еще далеко от меня.

Пока я вел уроки философии внутри себя, насекомое подлетело ко мне, будто услышав мои слова. Оно наглядно показывало, что нет никакого шлейфа в воздухе, от движущихся крыльев, крутившись в разных позах.

– Как приятно понимать, – продолжил я свое рассуждение, – что реальность многогранна. Везде полно множества вариантов событий – сущего. Насекомое, или что это, может иметь крылья, но махать ими слишком быстро для моего восприятия. А может не иметь их, в силу новых физических законов. А возможно, это мир без законов, совсем юный и беспечный, где все живет так, как наблюдается.

Я сделал паузу, задумавшись.

– Вот я рассуждаю, – продолжил я, – а эффект наблюдения начинает исчезать – что-то похожее на отпечатки, быстро движущихся крыльев появилось за телом насекомого.

Как только я понял ход своих мыслей, я перестал навязывать свое мнение и заткнулся... Насекомое вновь летало без каких-либо признаков на крылья.

– Чудесно! – Воскликнул я. – Буду осторожнее с грязной привычкой людей, навешивания ярлыков на мир, – привычных одежд.

К насекомому подлетело другое, затем еще, и вот их уже были сотни. Они тут же принялись общаться. Я это понял по тому, как они все радужно засверкали. Иногда говорило одно – сверкало, остальные находились в покое, а как оно заканчивало, все остальные, выслушав, начинали сверкать – отвечать своим согласием или недовольством. И именно в этот момент, первый переставал сверкать – выслушивая их мнение на его речь.

– Это так смотрится забавно, – подумал я, не выдавая других мыслей, чтобы не спугнуть эту грациозную картину.

Затем стало понятно, что они начали спорить. Появилась хаотичная светомузыка из насекомых. А когда эта дискотека букашек достигла своего пика, они тут же разлетелись. Причем я даже не заметил этого последнего процесса.

– Прикольно! – Смеялся я.

Я понял, что немного устал от этого зрелища, поэтому оно и исчезло. А вместо него появилось другое. Впереди от меня

прыгал странный пушистый комок, что-то схожее с нашим зайчиком, но без конечностей и головы. Его текстуры имели очертания единого комка шерсти.

– Парадоксально! – Появился внутренний голос, наверное, он давал мне не обсуждать увиденное, чтобы просто наблюдать, не спугнув эту реальность. – Это точно заяц, но в новом видообразовании.

– Заяц. – сказал я, и пушистый комок тут же превратился в обычного зайца, причем серого и невзрачного.

Таким образом реальность щелкнула меня по носу, мол болтаешь, ну и болтай себе на здоровье в своем привычном болоте восприятия.

Я улыбнулся и снова попытался прийти к тишине.

– Да, мне еще нужно поучиться естественной медитации, – подумал я, – пока что я только концентрируюсь на банальном безмыслие. Как говорил один мой гуру: «Медитация – это естественный ход событий бытия – сущего, без отождествления с чем, или кем-либо. Медитация – это наблюдение»!

Эти внутренние слова самому себе успокоили меня. Я сразу же смог отвлечься и успокоиться.

И, о чудо! Комок шерсти появился вновь, сменив привычного зайца.

– Трансформация на лицо! – Сказал мой внутренний учитель мне. – Постарайся знать, что я это ты, но только не ты... Как бы это парадоксально не звучало. Отдай роль ворчуна

«другому». Бог на то и Бог, что знает себя, как Бога, а не бога.

Я засмеялся, усмотрев со стороны свою болтовню – философию. Осознавая, что иногда лучше помолчать!

– Любовь! – Сказал внутренний голос, мой учитель. – Она везде любовь! И без слов!

Я так же услышал в этих словах, что пусть лучше иногда «другие» болтают, а мне можно и очарованно понаблюдать.

Комочек шерсти так обрадовался, что я принял его таким, какой он есть, что он тут же подпрыгнул ко мне, и из него пошел мощный поток приятной энергии. – Он дарил мне ответную любовь.

Все тело стало вибрировать от такой благодарности. Оно словно наполнилось новыми качествами, как у супергероя, который познал, что имеет суперспособности. Мне казалось, что и я начал видоизменяться, получив новое тело, ну или по крайней мере новый скафандр.

Долго бы продолжались эти экстатические тряски, но пришло очередное спокойствие, как внезапное просветление. Этот сравнительный юмор, и помог мне прекратить трясучку. Я вдруг решил опробовать движения в этом мире. Я не стал готовиться, думать, обсуждать, а сразу пошел. Затем я присел. Потом я упал, лежа пополз. И наконец прыгнул...

Я просто шел, сидел, лежал, а прыгнул вообще заурядно. Нет, я конечно же не рассчитывал взлететь, но хотя бы оторваться на пару минут от «земли» можно было...

Не знаю, что тогда переполняло меня, но явно это была самая мощная пустота, из всех, которые только бывают. В общем, я был полностью опустошен такой не переменчивой переменной.

– Пойду просто прогуляюсь. – Сказал сам себе, не желая думать о произошедшем.

Дорога оказалась очень приятной. Ноги ступали легко, тело наполнялось энергией, словно я был накопителем, а «земля» источником. По дороге я не думал, не имел привычки осуждать, мне просто было изумительно осуществлять прогулку. В некоторых местах приходилось обходить препятствия, и я это делал очень незаметно для себя. Когда встречались выступы или огромные корни деревьев, которые здесь кстати были более могущественными – (их, наверное, никто и не думал спиливать, и они жили свою обычную жизнь), я легко перепрыгивал все это. Не причитая или хрустя суставами, а перепрыгивая, да и ого-го с какой легкостью. В одном даже месте, где образовался сильный шум, я, не испытывая «привычного» страха, по привычке, ринулся прочь. Это походило на ускоренный бег, но с некой возвышенной легкостью, на которую не затрачивалась энергия.

В какой-то момент я остановился, и все-таки мой ум заговорил. Он поведал мне, что больше нет смысла утаивать такие очевидные несоответствия. Мол, мне все давалось намного легче и веселее, чем в привычном мире, и я за это никак не расплачивался, не эмоционально, не физически, да

вообще никак.

– Мне так не хочется с тобой это обсуждать, – произнес я мысленно, обращаясь к тому внутри меня, кто решил заняться болтовней, – но чувствую, что на этот раз ты не заткнешься, как не концентрируйся на тишину. Хотя мне так нравится эта легкость, тишина и спокойствие – непринужденный путь. Ладно! Так и быть – я признаю, что движения в этом мире намного колоссальные, чем в привычном. И они осуществляются, как у начинающего супергероя. Как бы в обучающем процессе.

Я понимал, что все это происходило из-за того, что я не обсуждал, именно эти процессы движения – я просто-напросто осуществлял шаги новорожденного, без подсказок взрослых, мол, как они должны осуществляться, и по каким законам. Но этот неутолимый мозг меня донимал, и я решил поддаться. Я решил посплетничать.

– Да, да! – Воскликнул я сам себе, как сумасшедший, но при этом очень счастливый сумасшедший. – Я согласен! Этот мир таит в себе много загадок. И одна из них разгадана прямо сейчас – я могу двигаться так, как этого захочу.

Я замолчал.

– Главное, – продолжил я, – теперь не сомневаться в этом, и не вспоминать, то, что может быть.

Я так завуалированно говорил, потому что боялся спугнуть сверхъестественные силы во мне. Я не хотел вновь просто ходить, просто прыгать, просто бегать, лежать и сидеть. Я

даже несколько раз стукнул себя по губам, ну, так, чисто символически, чтобы оставить это таинство нетронутым своим умом.

– Странный ты человек! – Прозвучал внутренний голос, который уже не отождествлялся со мной в настоящем времени, голос моего учителя. – Ты избегаешь того, что сам же и производишь. Кто будет виной, если ты сам не сможешь здесь по-особому двигаться. Только не говори, что твой заоблачный ум, или вспышки из прошлого, или чьи-то учения. Ведь ты осознаешь, что все это ты...

Я скривил такую странную гримасу, словно мне необходимо было выступить на публике. И сейчас я проигрывал роль человека, который реалистично разговаривал сам с собой, считая свои личности, отдельно живущими соседями.

Повисла небольшая пауза. А затем я расхохотался...

А что мне еще оставалось делать, либо я сходил с ума, либо я попал в свою личную сказку. И без смеха, в этой сказке, тоже бы сошел с ума.

Меня долго еще веселили подобные мысли, которые прервались сильным толчком. Вначале мне показалось, что это меня толкнули. Но осмотревшись, я понял, что это именно я оттолкнулся от поверхности. В момент, когда я успокоился, и принял эту реальность, внося в нее юмор, я без труда смог совершить, поистине супергеройский прыжок.

Подножье сотрясилось в круговой волне, которая расходилась множеством колец от эпицентра моего точка. Это бы-

ло также красиво, как расхождение волн на гладе воды. Наверное, я сумел бросить свой камень истины в гладь разума...

Воздух, или здешняя атмосфера – я еще этого не понял, так как не было времени обратить внимание на свое дыхание, тоже взорвался волновой рябью. Будто энергия сущего решила здесь поселиться. Это было настолько явно, что даже мои глаза могли воспринимать эти движения.

– Вот это здорово! – Кричал я.

Не знаю, сколько это все продолжалось, и был ли это просто прыжок, или прыжок в глубину мироздания, а может быть и вовсе полет, но состояние приземления наступило мгновенно. Также, как любовь является любовью.

«Земля» приняла меня мягкой подушкой. Это ощущалось нежностью в ногах. Каждый палец тонул в подошве, а затем и в здешней «почве». На миг я прочувствовал всю структуру здешней тверди, ну, и конечно же ее податливое размягчение.

– Что это было? – Спросил, то ли я, то ли внутренний голос, а может и вообще сторонняя сущность. Я этого не разбирал, так как находился в диком оцепенении от восторга.

Новый мир словно растворился, оставив меня и белый экран – меня и безмыслие. Так было приятно на сердце! Эта радость стоила тысячи всех остальных радостей. Такой восторг мог испытывать только искренний ребенок, который делает что-то в первый раз.

Белый экран стал для меня ласковым вакуумом, где не было места болтовне. Я страстно созерцал это белое пространство, и через него я видел все миры, которые только могли существовать, и конечно же нет...

– В такой миг вечности понимаешь, – сказал я сам себе, – что все исходит из себя самого. И не важно, отказываешься ты от этого, или приобретаешь, ты все равно вернешься в самого себя!

Окутанный тайной и впечатлениями, я присел. Нет, в этом не было необходимости – усталости или интереса, я просто сделал механическое движение. И сделал это не зря.

Из белого экрана я погрузился в темный, как в сырую землю. Сырость не ощущалась, это было привычное сравнение для моего мозга. Когда я полностью был поглощен темнотой, я осознал – это перемена пути. Из белого в черное, из черного в белое. И здесь, эта перемена раскрывала свою истинную природу – она не отождествлялась с сыростью, или вакуумом, как я вначале думал. Она просто-напросто существовала в своем вечно переменчивом состоянии.

Был еще один нюанс! В переходах, между темным и белым, я проваливался на неопределенное время, чувствуя себя сущим.

– Скорее всего, – думал я, – это было великое ничто, которое образовывало все... Рукотворное сознание, между до и ре, музыкального произведения.

Мне так хотелось в нем остаться подольше. Оно притя-

гивало так мощно, что не отпускало. Наверное, я подсознательно выпрыгивал из него. Как парадокс человечества: желание обрести покой, при ужасной боязни попасть в вечную пустоту.

Совсем немного, и я вновь очутился на поверхности. Мир опять принял свои привычные черты.

Ого! – Воскликнул я! – Я уже привык к этому миру, не ко всему, что здесь есть, но я наглядно спокоен к его сказочности. Вот бы подарить людям это ощущение новизны, и осознание, что все становится привычным. И только мы сами можем созидать новое!

– Люди, и есть – ты, – сказал внутренний голос, – зачем кому-то что-то объяснять?

– Вот ты такой мудрый, – ответил я себе – учителю, – но не хочешь понять главного: мы забываем себя, как первоисточник, чтобы через других познать новое.

– Так я и забыл сейчас эту истину, чтобы познать вновь ее через тебя! – С воображаемой улыбкой ответил внутренний голос.

Мы оба расхохотались, зная, что пытаемся карабкаться по горе просветления – ученика и учителя. Вначале, этот смех раздавался эхом, потом начал уходить в унисон, а затем и вовсе растворился в моем собственном хохоте.

Но, честно говоря, – я посмеялся от души!

Я пробыл в таком очаровательном состоянии души целую вечность. Я не замечал уже своих мыслей по поводу того, что

это, реальность или фантазия, а может быть сновидение. Я носился по здешним краям, как мальчишка, которого выпустили наконец на улицу погулять после долгого заточения, из-за наказания. Я впитывал абсолютно все, виды, запахи, все, все, любое восприятие. Мне невероятно было приятно бегать босиком по нежному ковру, напоминающему нашу обычную траву. Причем на нем лежала роса, или что-то гладко-сырое. Я скользил по этому катку с такой радостью, что уже и не хотелось совершать сверхчеловеческие движения. В сердце таилось только одно желание – наслаждаться этим.

Мои веселые пробежки сопровождалась объятиями к этому миру. Я широко расставил руки, и на бегу, касался кончиками пальцев любой поверхности, что встречалась мне. Как только я думал о солнце, тут же яркий свет сверху озарял мой сказочный путь. Стоило мне вспомнить просторы земли, и я сразу же проваливался в необъятную ширь здешних «полей». Хотелось забав, и тут же появлялись некие лужи, только более праздные, – они словно были наполнены сладкой газировкой, приятно щекочущей ступни ног. Я весело шлепал по лужам, и напевал при этом, давно забытые мотивы из детства.

А что там были за ароматы! М-м-м... Это настоящий взрыв мозга! Они настолько гармонично перемешивались, что из них складывалась целая симфония. Приятные накладывались на более утонченные. Те, в свою очередь, переплетались с возвышенными и редкими. А сколько здесь

было незнакомых ароматов... И представить себе нельзя. В какие-то моменты я даже закрывал глаза и отпускал тело прочь. Разум тут же погружался в экстаз. Возбуждение вибрировало по всему телу. И такого наиприятного состояния, я не испытывал никогда прежде.

Новый мир действительно являлся новым!

Так бы все и продолжалось, может быть я бы и провалился в это чудо с головой. Но... Было одно «Но». Я устал. Не физически, не морально, как это бывает обычно. Я почувствовал напрямую, как устал мой разум. В этом мире не нужны были посредники – тело, чувства, события, чтобы понять, именно ум выдает определенное состояние.

Впечатления настолько переполнили меня, что я стал расплескивать их в обратную сторону – на понижение интереса. А соответственно я устал все это поглощать.

Свет...

Такая яркая вспышка, будто меня вытолкнули от куда-то, и ослепили специально, чтобы я не нашел дорогу обратно.

Я оказался на полу в своей квартире, рядом с входной дверью. Которую я теперь точно лицезрел, как выходную... Она взяла, просто-напросто, и вытолкнула меня обратно в свою прежнюю реальность.

– Ага! – Воскликнул внутренний голос. – Как и всегда, ты переел впечатлений. Насытился! И опять не усмотрел внутренний баланс. Ту точку, где наступает желание все возненавидеть, из-за привычности и замыленности.

– Отстань! – Прокричал я сам себе, как умалишенный.

Я и так не могу прийти в себя. А тут ты еще со своими нравами. Не видишь, я стараюсь научиться жить по-новому. Пусть не получилось с первого раза. Ну и что?

– Прийти в себя... – Хихикнул учитель. – Вот именно...
Прийти в себя!

Меня словно пронзила эта мысль, открыв все секреты просветления!

– Я понял тебя! – Сказал я сам себе. – Зачем куда-либо уходить, или приходить, когда я и есть я!

На душе стало легко и свободно. Захотелось петь. Я вновь осознавал, что мой путь всегда находится только во мне самом.

Взглянув на дверь, я увидел, что она стала размываться, как нечеткий фрагмент фотошопа. Пол, квартира, дверь, они исчезли. Исчезли также, как пропала безысходность и все вопросы. Я вновь очутился в новом мире!

СОЗИДАНИЕ

После последнего ляпа с реальностью прошло неопределенное количество времени. Почему прошло, да потому, что в новом мире его просто-напросто не существовало. Я даже не понимал, что я конкретно делаю, чем занимаюсь, как обосновываюсь в новой реальности. Я всего лишь наслаждался жизнью.

Здесь все встречалось, как и в прежнем мире – похожим, знакомым. Как память, которая всегда соседствует с чем-то близким. Но что примечательно, это знакомое тут же трансформировалось, и превращалось в свежее и познаваемое.

Я узнавал новые запахи, новые виды. Мне по-новому двигалось и существовалось – быт был простым, свободным, но до безумия интересным.

И конечно же, моя новая сверхспособность к наблюдательности говорила мне, что именно я создавал всю эту новизну. Теперь я знал, – я созидаю этот мир. И меня не волновало, кто же все-таки построил фундамент для моего мира, Мария, или другие личности, живущие во мне... Я ощущал себя полноценным источником всего, что я только мог воспринимать.

– О чудо! – Говорил я сам себе. – Как приятно быть и создателем, и созданием одновременно, чувствуя это со всех мыслимых и немыслимых углов.

Я постоянно вспоминал уроки прежней жизни, где все начиналось с первого шага. Без которого ничего не осуществиться. Я знал, что мне необходимо будет закрывать пустоты. – Ту чистую божественную часть, которая называется чистым листом. Ведь я хотел построить новый мир. Пусть он потом будет привычным, или уже является таким в одном из вариантов сущего. Неважно! Главное для меня было – движение. И я очень хотел двигаться.

– Так, что я обычно делал? – Спрашивал я себя, на сво-

их же лекциях по созданию мира. – Что я обычно делал в момент роста на земле? Какие шаги я предпринимал для обретения чего-либо.

Потом я задумывался.

– Правильно! – Отвечал, как учитель ученику. – Я всегда делал первый шаг, а потом погружался в освоение материала, проходя все ступени структуры. Если я хотел по-настоящему наслаждаться жареным картофелем, то я проходил все этапы его зарождения, и конечно же все нюансы смакования...

Подобные странные речи очень помогали мне. Видимо я пришел к подобному состоянию, через сильный внутренний стресс. Ведь любое просветление, озарение – это некая вспышка после бурного прохождения пика, от начала до конца. Как пустое пространство между смертью и рождением...

Мое нынешнее одиночество, и потребность создать новый мир, явно следовали за перенасыщением прежней жизни. Я знал, что в этом не было ничего плохого. Любой путь, его преграды, удачи и фиаско – являлись сутью движения. А как говорить, движение – есть жизнь! И уж явно, если она дана, значит нужно жить. А не купаться в безысходности, и приходить в один и тот же привычный мир бесконечное множество раз, отождествляя себя только с мячиком, который скачет от рая до ада.

– Пора фантазировать! – Решительно говорил я сам себе в моменты, когда что-то новое становилось обыденным.

Хорошо, что я откладывал постоянно мысль, что все эти перемены с созиданием миров, с обретением нового, могли ускориться, показав осознанно, что все уже существующее и несуществующее свершилось. Теперь я придерживался только одной мысли – все еще впереди!

– В конце концов! – говорил я. – Картина никогда не будет написана, если каждый, кто когда-либо существовал скажет: «Это все уже есть. Зачем мне это создавать?»

Потом я зависал на несколько секунд для юмора.

– Да и этого ворчуна, из множества когда-либо существовавших, – продолжал я, – никто бы и никогда бы не нарисовал...

Потом я громко смеялся, будто бы меня кто-то слышал, и вновь уходил в фантазии, на тему: «Созидание!»

Сейчас, пройдя один из множества путей, я осознаю! Не думая тогда так, я бы никогда не написал эту книгу, и никогда бы не поведал вам, как я создал ваш, а точнее сказать – свой мир!

Как было интересно созидать, думая, что с нуля. Это придавало такой божественной силы. Она-то и раскрывала, что все исходило изнутри, без витиеватых и путаных дум, что есть кто-то, кто меня создал. Теперь я сам созидал себя и свой мир.

От слов, я наконец перешел к делу. Мне надоело пры-

гать и любоваться своими впечатлениями. Захотелось создать что-нибудь, или кого-нибудь, кто станет также восхищаться, ну, хотя бы собой.

Я не стал сразу вдаваться в сложности, изобретая искусственный интеллект.

– Как будто бы он бывает искусственным! – Думал я иронично, рассматривая вопрос созидания.

Мне захотелось сделать что-то знакомое, но с оттенками необычного. Просторы, пространство уже имелось, пора было сотворить отличное. Я присел и расслабился. В ответ на мою смешную медитацию рядом появилась лужа грязи, ну или может быть шоколада. Смотря, с какого угла на эту лужу взглянуть.

– Все со мной ясно! – Смеялся я сам с себя.

Я, то шутил, то хохотал в ответ, но мой внутренний учитель почему-то оставался серьезным. И совсем не поддерживал моего легкого озорства.

– По-моему, – шептал я про себя, чтобы меня не услышал этот скряга, – этот учитель и в привычном мире всегда следил за степенью неудовлетворенности. Вечно он пытается найти истину, где можно просто обойтись юмором.

В этот момент меня словно молотком по голове ударило. Будто верх поменялся с низом. Мысль о том, что я могу путаться, кто конкретно в этот миг является учителем, – я шутник, или я серьезный созидатель, перевернула мое сознание. И чтобы окончательно не запутаться в себе, я поста-

рался прекратить эту болтовню, и с легкостью смог отвлечься на новом занятии.

Конечно же сейчас это все выглядит, как нелепая шутка, в которой нет смысла вообще. Но так я могу думать с сегодняшним сознанием, где твердь стала размытой, а вода обрела неподвижную структуру. Но в тот момент подобные мысли заставляли мой мозг вращаться в центрифуге на невыносимой скорости.

Я подошел к своему шедевру. Лужа оказалась даже ничего себе так... Вблизи она красовалась своими очертаниями. Они не воплощали грязь. При более близком «контакте» лужа превратилась в озеро. Если можно так выразиться. Я начал в него вглядываться, и оно меня поглотило. И совсем не так, как, когда смотришь на известную воду или огонь. В этом случае меня просто-напросто втащило в сущность этого озера. Наверное, мое видение стало прямо пропорциональным взгляду насекомого. Масса, а это по-другому и не назовешь, была вязкой и желеобразной.

– Ну и озеро, – посмеивался я, – странное. Точно лужа...

Я попытался дотронуться до нелепой воды, и она тут же ожила. Стала такой прозрачной, что казалась самой утонченной и нежной на всем белом свете.

– Какая приятная! – Восторгался я. – Но по-прежнему не похожа на воду. Больше, наверное, на святую влагу.

Вдруг я опять получил оплеуху от внутреннего учителя.

И тут до меня дошло. Именно не он серьезный ворчун, а я, со своими шуточками. Я никак не мог отпустить свое вездесущее обсуждение. Превращая новое творение во что-то знакомое.

– Банально! – Произнес я, как гламурная девушка.

Эти мысли помогли мне отпустить свою заикленность в прежнем мире. И вуаля, озеро превратилось в озеро. Только теперь оно не отождествлялось не с водой, не с грязью. Оно сверкало и переливалось в лучах внутреннего света. От него веяло теплом и заботой. Изнутри приходили необычные узоры, дополненные какой-то сказочной информацией, разглаживали, и без того очень ласковую и гладкую структуру, и уходили в самые недра озера. Мне даже не хотелось искать новое имя этому волшебству.

– Это любовь в чистом виде! – Подумал я.

За озером последовала идея отдохнуть в горизонтальном положении. Что-то вроде песка пришло на ум.

Очередная попытка естественной медитации, и передо мной распростерлась мягкая золотистая поверхность, огибающая волшебное «озеро». Нескончаемо нетерпеливо захотелось прикоснуться к «песку». Он настолько притягивал своим блеском, что момент прохождения пути до него я не заметил. Легкое помутнение, и я уже медленными движениями ласкал зыбучую поверхность.

Зыбучая, это только было мое нелепое сравнение. На самом же деле «берег» воспринимался, как разлитая манная

каша возле густой лужи киселя. Да еще, и перемешанная с золотыми солнечными зайчиками.

– И откуда только берутся эти великолепные сравнения? – Спрашивал я сам себя, слыша мысли описания этого «пляжа».

Песок-каша, как и вся почва этого мира, при полном погружении в нее руки, раскрывала свою структуру. Рука становилась пробником, подключенным к аналитической программе. И здесь удивляло то, что все было разным. Абсолютно разным.

Возможно, это бросалось в глаза из-за того, что в привычном мире я попал в лапы колеса сансары. Того учения, что исходило из круговорота трехмерного мира. Нет, я не отрицал, что от «всего» до «ничего» лишь вакуумное пространство всех возможных и невозможных событий... Но, здесь, это стиралось напрочь. Как в момент предвкушения определенной пищи, хотя ее уже когда-то ел.

– Мне нравится, – подбадривал внутренний учитель внутреннего ученика, – Ты хоть начинаешь отходить от своей идеи фикс, что все старо, как мир, как мир не ново.

– Наверное не отходить! – Отвечал ученик учителю. – А скорее всего, приходиться к состоянию созидания. – Чтобы не происходило, сон или смерть, но всегда есть бодрствование и рождение.

Немного поиграв в бесконечную философию, я тут же от нее отвык, как и в случае с «песком». Я распознал его

притягательную новизну, понял, как он постоянно меняется в ощущениях для меня, и вынул руку. Мне захотелось смешать эти ощущения.

Я подошел к границе, между «озером» и «песком», и соединив ладони, зачерпнул эти две смеси в одну массу.

– Ого! – Восторженно крикнул я.

Эмоция была автоматической, но не мертвой. Я испытал чувства, которые можно сравнить только с приближающимися к любви. Как петтинг, только непонятный и неизученный.

Густота и зыбучесть превратились в пожирающий огонь. Пламя жгло так сильно, что хотелось сбросить эту адскую массу. Но подержав еще немного, стало понятно, это очередное испытание для новых впечатлений. В этом мире чувства оставались чувствами, но с иным осознанием их принадлежности. Здесь я не только учился созидать, но и мог проследивать, как создавал и другие миры...

– Мда! – Тихо, но с восклицанием говорил я. – Это такое наваждение, знать, что ты обычный человек, но в то же время создатель! Как бы не раствориться в этом знании, и окончательно не уйти в свет.

– Не переживай! – Тут же успокаивал учитель. – Все вершиться постепенно, даже заверщенное ускорение. В момент понимания себя светом, ты не будешь печалиться, что уже не человек. Всегда есть осознание, что ты все и ничего одновременно.

– Это такой витиеватый закон мироздания? – Вопросал

во мне ученик. – Как палка о двух концах?

– Конечно! – Нежно и рассудительно продолжал учитель. – И все для того, чтобы не было тупика. Как выход и вход, без границ этого понимания.

Я немножко взорвался от этих мыслей. Хорошо, что на помощь пришла старая и проверенная истина: «Внутренняя тишина». Я не знал точно, но мне являлись картинки в виде Марии, прохождение ею пути самопознания. Все чаще и чаще это всплывало в моем подсознании. – Я – мама, она есть – я, путь... Тишина...

Как ни крути, но это помогло. Болтовня ушла. Палка с ее чертовыми концами тоже. И вслед за ними вся философия. Я смог спокойно посидеть на «берегу», и теперь он мне чудился – берегом! Обычным, привычным и таким, успокаивающе родным.

Тут же пошли картинки из прошлых жизней. Но они не нагружали меня смыслом. Я просто видел любовь и уют. Отношения и страсть. Заботу и перспективу стать самым нужным и хорошим. Эти кадры не включали в себя принцип «хорошо-плохо», они существовали просто так. И это мило обволакивало своей простотой.

Под это мироощущение пришла благодать. «Мир» стал миром. Послышались шуршащие волны озера, приглушенный ветерок, незаметный шелест пересыпающегося песка. Во мне бурлила спокойная безмятежность, как бы это не звучало парадоксально.

Я тихонько прилег на золотистый и теплый песок, опустив кончики пальцев руки в озеро. Здесь, «вдали» от обыденного, привычное стало новым и безумно желанным.

– Страсть! – Говорил я сам себе! – Страсть и любовь!

Я отключился...

– Как хорошо, что в этом мире нет распорядка дня, – думал я перед тем, как отключиться. – ну, по крайней мере, хотя бы, его пока нет.

Отключка походила на привычный сон, с его погружением, сновидением и пробуждением. Было только одно маленькое отличие – я проходил все эти этапы в буквальном смысле этого слова, осознавая, как прохождение таможенного контроля. Это являлось необычным, но в тоже время суперским состоянием.

Вообще, я так понял, новая реальность давала безграничные возможности. Здесь можно было обучаться, а потом создавать. Или сначала создавать, а затем пролистывать все этапы становления.

Конечно же случались мимолетные провалы в памяти, и забывалось, что здесь я создатель, превращаясь только в создание. И наоборот. Но так было даже лучше. Я воочию мог наблюдать за силой мгновенного намерения. – Отслеживать все свои роли, как независимо, так и в абсолютной гармонии.

В этот раз мне приснился дом. Его очертания. Летний дворик. Знакомые запахи. Милые и родные люди. Я уви-

дел тот дом, о котором все мечтают. Тот уголок счастья, что купается в безмятежности безмыслия, но самого мощного уюта. На окошках стояли цветы, распутившиеся на встречу лету. Их цветение раскрывалось яркими и дополненными цветами. Крыша дома имела винтажную кровлю. Она была похожа на фальцованные, что странно, бронзовые листы, с многочисленными потертостями до блеска. В этих зеркальных местах отражалось светило. Солнцем я бы его не назвал, потому что источник света в этом мире еще не был определен. И складывалось впечатление, что небо усыпано множеством звезд, которые давали эффект двух солнц днем. И вот, когда «солнце» отражалось в потертостях, они словно нагревались, искажая белый свет на красный. Еще был какой-то визуальный обман – будто над листьями бронзы висели невидимые зеркала, потому что между кровлей и этими невидимыми зеркалами существовала толща более яркого света, словно мир хаотичных солнечных зайчиков. Смотрелось это чудо, как снежная шапка на крыше дома в новогодний период. Именно Новогодний, – настроение соответствовало. Во дворе бегал щенок шалопай. Его уши непослушно волочились по земле, цепляясь за разные предметы. Это сбивало его с ног, и он весело начинал кувыркаться. После чего, вставал, и переключался на свой хвост, бегая за ним по кругу. За всем этим наблюдал старый и ленивый кот. Он даже наблюдал с неохотой, открывая на пару миллиметров один глаз. Хотя, когда у щенка получалось схватить не хвост,

а шерсть от своего длинного уха, кот начинал крутить хвостом, и открывал глаз полностью. Это напоминало засыпающего болельщика во время самого скучного в истории матча, при хоть какой-то возможности действия на поле.

Сон был невероятно теплым. И только ощутив сполна эту теплоту, я понял. Нет, вернее, я осознал – причем, во сне, что это просто дом. Тот, который является одним из бесконечности вариантов. Сон подарил мне ощущения того, что уют и тепло – это внутренние переживания.

Когда открылись мои глаза, я немного опешил. На секунду я понял, что я не засыпал, хотя закрывание и открывание глаз осознавал. Мне даже показалось, что я просто моргнул, и здешний мир показал мне мимолетное счастье.

Немного запутавшись, я присел. Иногда восприятие перебарщивало, давая напомнить, что я немножечко человек. И как бы не скакал по реальностям, но должен усвоить одно правило – отпускать... Забывать, хотя бы на миг то, что заставляет много думать, улавливая истину.

Немного успокоив свои мысли, отличное состояние возобновилось. Я опять стал невозмутимо чарующим существом. Вслед за этим, последовал бонус. Дом, который я видел, якобы во сне, проявился в реальности здешнего мира. Я даже смог подойти к нему, не имея и капли сомнения. А когда я зашел в приоткрытую дверь, то чувство хозяина обволокло меня с ног до головы.

– Я вновь созидаю свой мир! – Радостно прокомментиро-

вал я свои ощущения.

Внутри повторилось навивание родного тепла и уюта. Я чувствовал, как приятно находиться на островке знакомого, среди океана нового и неопределенного. Что, в принципе, раскрывало работу разума. – Осторожного системного парня.

Недолго думая, я прошелся по всему дому, и только при близком знакомстве, я осознал, что и дом наполнен волшебством. Реальность этого уюта также была наводнена магическими штуками. Некоторое убранство меняло свою структуру, форму прямо на глазах, как и свет, что освещал комнаты. Мебель иногда имела привычные формы, а иногда расплывалась в очертания, вновь созданного «песочного пляжа». Будто мои глаза наблюдали мираж.

– Но, как ни странно, – говорил я сам с собой. – Я уже начинаю привыкать к меняющемуся уюту. Теперь я испытываю его и в новом, и в знакомом. Это приятно!

– Да, да... – Ворчал учитель внутри меня. – Как только произойдет что-то необычное, посмотрим, как ты себя будешь держать в контроле.

– Я с тобой не разговариваю, – отвечал я, хотя мог и не отвечать, – мне больше нравилось, когда ты выполнял роль просветленного учителя. А сейчас ты какой-то учитель трудов. Со своими устаревшими взглядами на жизнь. Как системщик, который не видит, что он издает законы, будучи заключенным.

– Прикольное сравнение! – Ответил учитель! – Но не забывай, я тот, кого ты воспринимаешь. И наш диалог, это твоя нынешняя реальность.

Он прав, думал я, переставая с ним общаться. Начиная просто созерцать.

Дом растворился также, как и появился. Но я точно знал, что это был не мираж. Невозможно сейчас объяснить простому обывателю с системными мозгами, что это было... Но это было, и точка.

Новый мир открыл еще больше свои объятия. Я специально немножко лукавил себе, что не я создатель, создавая. И это было оправдано. Мне еще было трудно привыкнуть к тотальному одиночеству бога. Не в мелочности, ведь создав кого-то, ты уже не одинок. Я говорю про абсолют. Про осознание первоисточника, от самого чистого, прозрачного, и не существующего листа. И понимайте это, как хотите. Внутреннее состояние, переживание необходимо постичь, не ища определений.

Вот именно поэтому, я подразумеваю под объятиями маленькую хитрость. – Не общими, двусторонними – всеобъемлющими, к чему стремиться душа, а объятия от мира, как отношения отца – его, и сына – меня. Ну, уж так хотелось заботы и ласки в своем сильном я, что даже не передать, как иногда хочется послать в одно место мысль, что я вас всех создал...

Мир не только раскрыл свои объятия, он еще и сделал это так нежно, как делает это мама во время первого приноса новорожденного после родов. Руки мира пахли сандаловым маслом, лаской женской кожи и материнским молоком. На мгновение, даже, послышался поцелуй, причем по-родительски в щечку, это ощущалось определенной вибрацией звуков. В момент этой заботы, восприятие сильно обострилось, и у меня появилась новая сверхспособность. Я видел, слышал, и воспринимал ароматы так, как этого до меня еще никто не делал.

Весь вопрос заключался не в банальном желании почувствовать себя лучше, выше и сильнее, на арене появился главный персонаж – разум, который не только принимает, но и дает любить. Любить просто так!

В какой-то момент у меня произошел небольшой сбой, но очень приятный. Также, как я мог проследживать свои личности – прошлые (настоящие, если без времени) жизни, где я являлся не только собой, Марией, но и всеми теми, кто – есть сущее, также и здесь, я менялся вместе с миром, объединяясь в одно целое. То мир был мной, то моей мамой, отцом, женой, детьми, а то растворялся... Причем, иногда я не мог проследить, кто, и в ком растворяется.

Вкусное на впечатления переодевание так меня поглотило, что я снова отключился.

– Это, наверное, такой способ перезагрузиться. – Думал я, после пробуждений. – Как сон, для стирания «однотип-

ных программ» – повторяющихся. И я не зря так думал, ведь мой внутренний учитель молчал в это время. А когда он молчит, значит идет полное наше совместное приятие! Если кто не понял, я расшифрую – это и есть – медитация, наблюдение – жизнь в балансе!

После пробуждения я решил продолжить свое творчество. Мне настолько это понравилось, что я невольно думал, как это я так раньше занимался тем, что мне просто-напросто приходилось делать, а не хотелось. Сейчас я мог проследивать, как намерение исходило из желания (из тотального интереса).

Помимо «пляжа» появились «горы». Можно сказать, что обычный глаз и не заметил бы, как это произошло. Оно случилось так молниеносно, что даже свет не успел отразиться от тени. Хотя я контролировал весь процесс создания осознанно. Эти великаны не походили буквально на привычные возвышения, хотя очертаниями – да. Они больше смотрелись, как пирамиды, как что-то ровное, но неповторимо природное. Да, да... Именно такое вот сравнение. А как вы думали, проходя дальше по книге моего мира, вы вообще забудете, что такое реальность.

«Горы» разговаривали. Этим они были похожи на гигантские деревья, которые колышет ветер, а они нехотя скрипят, как бы ворчат от нарушения покоя. Иногда я немного шутил, и мысленно прикреплял к ним что-то похожее на ветки. Смотрелось забавно. Пирамиды-деревья, да еще и по-стари-

ковски ворчащие.

Гиганты дышали глубоко и очень осознанно. Каждый их вздох выражал очищение мира. А каждый выдох представлял из себя дар этому миру. Не судите строго, в этом мире я был еще очень молодым создателем, поэтому заимствовал земной круговорот. Хотя кого я обманываю. Откуда вы знаете, кто создал землю... Может быть...

Мне очень нравились эти изящные пирамиды. Смешение творений напоминал мне вопрос генной инженерии, которого так боятся люди, хотя сами и не знают, что они просто продукт того, что можно осмыслить.

Горы оценили этот тонкий юмор, и мы вместе посмеялись над этим сравнением.

Затем мой взгляд переключился на пустоту у подножья пирамид.

– «Горы» должны иметь корни, – думал я.

Все пустое пространство тут же заполнилось «растительностью». Только это были непривычные деревья, кустарники и трава. Основа походила на, то длинные, то короткие атласные ленточки, разных цветов и форм. При более приближенном фокусировании здешняя зелень начинала приобретать более знакомые очертания, типа листьев и ответвлений. Но все равно, «растения» этого мира растворялись в общей необычной структуре. Поэтому, они больше походили на пиксельное образование какой-то игры.

Как только я что-то подумал, как тут же «земля» разо-

шласть грубыми расщелинами. И они заполнились какой-то жидкостью. Вязкой и схожей с «озерной».

– Наверное, – думал я, – это здешняя энергия, которая, как и на земле подпитывает мир.

И вправду, густая жидкость словно услышала меня. Она заискрила, и задвигалась хаотично внутри себя. Будто электричество из мультиков побежало по проводам. Смотрелось это все конечно грандиозно.

Пирамиды сразу же ожили. Их непонятное движение от подпитки «речушками» стало напоминать танец заряженных частиц, только в более масштабном зрелище.

На пиках пирамид образовались тягучие корки, издали напоминающие снежные шапки. Будто конденсат этого мира вырвался наружу из-за дыхания «гор».

Мир как будто подмигнул мне. Вернее, я это осознавал. Мне даже стало веселее и приятнее. Сразу захотелось ответить дружеским объятием. Что я и сделал. Я простер кверху руки, и сделал ласковый жест объятий. Мир словно сказал мне: «Можно было этого не делать, я и так знаю, что наша любовь взаимная»! От этого понимания у меня потекла слеза. Но не настоящая, виртуальная. Я ее только ощущал умом. И чувств при этом земных я не испытал. Да и вообще, любовь здесь была сама собой. Ее не нужно было чувствовать, думать о ней. – Всеобъемлющее господство.

Когда лирика легким слоем слезла с тела, я почувствовал себя немного голым. В прямом смысле этого слова. Эта

мысль пронзала меня, и исходила из самых глубин моего сознания. Оттуда, где я сам себя еще не создал. Мне из-за этого пришлось вновь надеть на себя лирику, – тоненький слой, жалкое подобие чувственности.

– Непривычно! – Заметил я. – Лучше пока еще побуду в своей шкуре.

Мое замечание касалось того, что я очень быстро ускорялся. – Переход в другой мир. Расставание с чувствами в том качестве, каким они были для меня. Созидание нового. Мне казалось, что я все ближе подбираюсь к той самой кнопке путешественника, которую нажмешь, и она тут же перенесет в любое место и любое состояние.

– А возможно... – Задумался я. Причем слова шли будто не от меня и не от внутреннего учителя. – Возможно, эта кнопка так западет, что окажешься в нигде... Как провал между старым и новым годом. Он придуман, и он существует. А если убрать само значение года, то и провал станет вечным... Нигде будет... Ничто...

Я настолько глубоко вошел в эту мысль, причем, явно рожденную мной в наивысшем сознании, что погрузился в медитативный транс. – Я просто существовал. Я познал медитацию такой, какая она должна быть. – Просто жизнь.

Мне это помогло отвлечься от всех остальных глубин мыслительного процесса. И мне стало настолько легко, что я тут же переключил свое внимание на новый мир. Уж очень мне хотелось вернуться к его обаянию. Как к новорожден-

ному малышу, который отвлекает от взрослости и привычности.

– Свежая струя жизни! – Воскликнул я.

Созданное мной, тем временем, преобразилось. Оно словно чувствовало мой настрой.

– Ну, конечно же... – Задумчиво, но, естественно, произнес я. – Этот мир и есть я. Именно поэтому все так едино.

Я засмеялся. И мир тоже. «Озеро» заплескалось, «горы» затряслись, «речушки» заструились, а «земля» и «небо» зажглись заревом неведомой силы. Я был счастлив.

Наступило время, хотя его здесь не было, для дальнейших манипуляций с созданием. Я осмотрел уже созданное, и на ум пришло заполнение «небесных» пустот. Я просто провел рукой, и намерение безотлагательно исполнилось. Все просторы верхнего пространства дополнились искрами. Чем-то похожим на земные звезды, но с большим блеском и красочным оформлением. Крошечные фонарики имели разную форму. Да и их геометрия очень отличалась друг от друга. Свет от них исходил равномерно, но с большим напором, чем у привычных звезд. Смысл в них я вложил иной. Это были не далекие планеты, а близлежащие спутники нового мира. Нет, они не теснились на небольшом пространстве, и тем более не толкались. Просто это содружество выполняло роль подпитки дополнительной энергией моего мира. Как бы места, куда можно было перемещаться мгновенно, как в другой город. Ими я еще не занимался, чтобы рас-

писать ландшафт, оставил пока в неведении. Ну так, на всякий случай. Вдруг мне потом понадобится хобби, или творческий порыв.

– Не все сразу! – Громогласно заявил я с интонацией мудрого исполнителя.

В некоторых местах спутники объединялись в красивые орнаменты, как созвездие, только более насыщено и структурировано. А иногда они и вовсе соединялись в единое светлое, но разноцветное пятно. И таких пестрых украшений было много. Я даже придумал игру для себя. Эти планетарные узоры можно было двигать и переставлять на расстоянии силой мысли. Получилось очень забавно и увлекательно. После продолжительного момента весь верх блистал, как продуманная картина из недр вдохновения.

– А ты меня начинаешь удивлять, – вдруг произнес внутренний учитель, – никогда не знал, что у тебя столько терпения для творчества.

– Это, не терпение! – воскликнул я. – Это мой порыв души. И я это делаю с огромным удовольствием!

То ли для показухи своему учителю, а может быть из-за своей увлеченности, я продолжил. Мне стало мало одного светила. И я придумал сразу несколько непривычных okazji. На «небе» появились сразу два «солнца» и две «луны». «Солнца» я назвал светочи души, а «луны» – глубинами разума.

– Так, сказал я сам себе, – тогда и «землю» я назову недра-

ми создания, а «небо» – сознанием. «Солнце» – светоч души, «воду» – энергией жизни, «озеро» – пониманием, «реку» – жилой плодородия, «песок» – просеянными недрами, «небо» – сознанием, а «звезды», как уже говорил – спутниками.

Я немного задумался.

– Аааа, – вспомнил я, – «горы» – пирамиды, «растения» – жизнь.

Потом я слегка утомился, и решил без обозначений продолжить. Вглядываясь в свои новые светила, я обнаружил, что нафантазировал в них целую жизнь. Это были не просто пламенные шары, а энергетические мегаполисы с живым воплощением. Туда я поместил жизнь с более быстрым укладом. С «лунами» – глубинами разума все обстояло гораздо проще, они были пустыми, но именно поэтому в любой момент их можно было наполнить творческим потенциалом. Все это напоминало мне земную жизнь, куда не взгляни чистый источник, смотришь на небо, додумываешь, смотришь на море, фантазируешь, на огонь – вообще фантазия зашкаливает.

– Как хорошо, что существует то, во что можно вкладывать душу бесконечно! – Произнес я праздно.

Все вроде было прекрасно, создание нового мира проходило легко и непринужденно. Я настолько был вовлечен этим вопросом, что земная привычка ходить по черным и белым полосам отпала как-то. Но ведать разум этого не забыл.

И как только я захотел переключиться на проекцию нового изваяния, меня словно ударило молнией. Наступила меланхолия. Чувства плотным потоком потекли по всему телу. Я настолько ярко это ощущал, что меня аж начало трясти. Нет, это не была привычная чувственность, которая заставляет людей плакать или смеяться, любить или ненавидеть. В данном случае я, как монтажер мог просто читать этот процесс, как бегущую строку. Вырезать ненужное, и вставлять недостающее. Старая программа моего ума решила поиграть со мной в прежние игры. Только ум еще не отчетливо понимал, что мое сознание стало намного сильнее и независимее. Ему теперь не требовалось идти в одну ногу со знанием, передвигая точку сборки на нужное расстояние. Ну, как бы, не давая разуму оторваться от тела и улететь в глубины неизведанного. Получалось некое расхождение, вроде разум уже знал о моих истинных безграничных возможностях, а с другой стороны, он все-таки пытался все вернуть на круги своя, – залезть обратно в шкуру человеческую. Простыми словами, на мое прекрасное состояние, ум хотел внести ложку дегтя, ну так, чтобы побаловать себя маятником состояний. Но у него ничего не получалось.

И тут меня осенило.

– А что, если ему подыграть! – сказал я про себя, будто мой разум, это совершенно отдельная от меня единица.

Я прекрасно понимал, что у меня сейчас происходят, именно игры разума. Вроде тех случаев, когда люди позна-

ют себя, и начинают верить в то, что сознание – это их глубина и неведомая душа, а разум некий злодей. И поскорее нужно от него избавиться. Войти в некую стадию безмолвия. Не осознавая то, что что именно ум, сознание, душа – это единая структура жизни – одна сущность. Это, как девушка, которая кокетливо заигрывает с будущим кавалером. Отвечая на все вопросы неким отказом, испытывая желание сказать: «да». Запретный плод всегда сладок в предвкушении.

Вот так же получилось и со мной. Я был единым целым не только сам с собой, но и со всеми мирами одновременно, как шкала от ничего до всего. Но в то же время, я просто-напросто соскучился по лукавым перепадам настроения. Мол, у меня все хорошо, но так хочется покапризничать...

И вот я сидел на «земле» – в недрах сознания, и просматривал спектакли своей бывшей чувственности. И в какой-то момент, я так глубоко вошел в это состояние, что у меня самым хитрым образом получилось подыграть себе. Я сам себе лукавил, что чувствую уныние, как и раньше, действительно испытывая его, и в то же время я мог наблюдать, как совершаю это чувство.

Это невероятно, скажу я вам! Сравнимо с кусочком пиццы после длительного голодания, но в миллионы раз мощнее и ярче. Я испытал такой экстаз, который не сравнится не с одним кайфом земли. – Наблюдать свои же процессы осознания чувства, это адско-райская смесь. Мне казалось, что я в один миг, и рождался, и умирал. Возможно этого

не объяснить обычному обывателю, но для сравнения приведу, хоть и жалкий, но все-таки пример, это вроде сексуального оргазма, который длится час без перерыва, да еще и постоянно нарастает по степени увеличения осязаемых толчков.

– Вот это я загнул... – Прокомментировал я сам себя, когда закончился мой пир чувств, причем, комментировал я именно вышесказанное, потому что именно об этих сравнениях думал.

Когда я получил должную порцию наслаждения, я еще раз убедился, что зеркальный мир прекрасен, где плюс тесно связан с минусом. Я мимолетно обдумал весь процесс того, как чистый лист стремиться к написанию чего-то, лишь бы себя замарать в конечном счете.

– Ох уж эта тяга к наслаждению! – Сказал я сам себе с восклицанием. – Наверное, и состояние бога не убирает этот сегмент состояния.

На какой-то миг я отвлекся, и перестал обсуждать свои прежние, и как выяснилось, настоящие привычки. Мне захотелось из обширного, переместиться в более замкнутое пространство. И первой моей целью стали пирамиды. Вначале, я их разукрасил экстерьером. Теперь это стали не просто живые геометрические фигуры, а самые настоящие дворцы гиганты. Нет, внешне, издалека, они также походили на пирамиды по форме, но к ним добавились очертания дворцовых

зданий, покрытых природным насаждением, здешнего происхождения конечно же.

– Очень смотрится забавно, – умилялся я, – но и очень красиво. Чувствуется заботливая рука мастера.

Нет, это была не лесть самому себе, а обычное общение с одобрением. Тем более, что общаться пока я мог только с собой. Ну и со своим внутренним учителем конечно же. Но он почему-то играл в молчанку.

После обновления внешнего вида пирамид, и близлежащий ландшафт заиграл по-другому. Словно подстроился и трансформировался исходя из сильного намерения.

Вдруг, внезапно, появилось углубление в одной из пирамид. И я сразу же подловил себя на мысли, что захотел уютного гнездышка. Пещера так и манила меня, словно кто-то приглашал в гости. В этом случае я выполнял роль, и хозяина. и гостя. Не знаю каким образом, но в мгновении ока я переместился внутрь.

– Ох уж эти волшебные штучки с перемещением! – Восхитился я. – Нужно будет разобрать это таинственное намерение, чтобы обучиться ему, как первым шагам младенца. – Словно работать волшебной палочкой.

Внутри я испытал знакомые ощущения. Холод и темнота посетили мой разум. Но это не растеряло мой новый способ интуитивно изменять состояния и события. Вспыхнул огонь, невидимый, но излучающий свет, и доносящий приятное тепло. Я почувствовал, как моя кожа порозовела от уютной

атмосферы. Свет окропил внутреннюю геометрию. Это была молчаливая, с прямыми линиями геометрическая фигура изнутри. Я тут же понял, что хочу большего уюта. И пещера покрылась наскальными обоями, разрисованными орнаментом и странными письменами. Словно здесь кто-то жил несколько тысяч лет тому назад.

– Да, – задумался я, – создаю новое, а получается знакомое. Ну и пусть, это пока. Пока не научился доставать фантазии из глубины. А пока так. Так спокойнее для разума.

И тут я начал фантазировать. Вместо факелов, по стенам распределил пучки пламени, прямо из стен. Причем, непривычного фиолетового цвета. Получилось очень эффектно. Я тут же придумал, что «горный» материал источал зажигающую жидкость. Эта идея меня очень вдохновила на продолжение. В центре пирамиды появилось «дерево», но именно из такого же фиолетового огня.

– Как здорово! – Вдруг оживился внутренний учитель.

Я ему ничего не ответил, на что он улыбнулся. Я это почувствовал.

Огненное «дерево» переливалось так непредсказуемо, что фиолетовый цвет постоянно менялся на различные оттенки. Это поражало нас «обоих». Огненное дерево имело и что-то похожее на ветки с листьями. Только это были причудливые огрызки пламени. Пещера оживилась. Теперь это ощущалось, и снаружи, и внутри. Дерево синхронизировалось с «факелами» на стенах. Получился некий тандем из мощной

энергии. Это не только согревало по ощущениям, но и заряжало, как бы бодрило. Появилось клубное настроение, – захотелось танцевать. Что я незамедлительно и сделал. Я танцевал с таким удовольствием, что земные танцы и в подметки не годились. Маленькая поправка – по моим внутренним ощущениям новорожденного.

Если бы рядом были люди, они бы подумали, что я исполняю свой танец вечно, но для меня он кончился также быстро, как и начался. Исполнение показалось мне шедевром. Не то чтобы я и до этого танцевал хорошо, что являлось правдой, просто я был немыслимо глубоко в момент пластичных движений. Теперь я ясно понимал, почему танец является неким магическим обрядом. – Он олицетворял глубину души. Ну и конечно же музыка, куда без нее. И она тоже присутствовала. И мне не потребовалось напевать про себя. Ритм был мной, каждая нота являлась продолжением меня, как исходящим, так и входящим. Я не замечал, как весь мир танцует вместе со мной. Я это знал.

Когда ритуальный танец прекратился, мне захотелось вкушать какой-нибудь земной привычки. Не буквально, только по ощущениям. И это не заставило себя долго ждать. Я испытал гамму чувств, будто бы я находился в самом лучшем ресторане, с самой красивой девушкой на свете, и при этом, я был абсолютно свободным и счастливым человеком, даже от ресторана, девушки, счастья, свободы, и от осознания этих чувств.

– Ох, как я насытился! – Произнес довольный я.

Самое, что парадоксальное, я не задумывался о том, что все это я испытываю без каких-либо посредников, – телесных ощущений, мыслей, и конечно же прямого контакта с кем, или чем-либо.

Пещера стала настолько родной, что меня это сильно умиляло. Я не задавался вопросом, как она выглядит, и что мне с ней делать. Это просто было, и все.

Но тем не менее, я продолжил творить.

Интерьер дополнился. Но вместо мебели и привычного обихода, здесь появились необычные предметы. Возможно, по смыслу они и выполняли схожие функции, но все очень разнилось от привычного. Взять хотя бы странный предмет на стене. Он мог сойти за настенные часы, но он не имел стрелок, и какого-либо хода времени. Там просто были бессмысленные иероглифы.

– Как мне это напоминает землю! – Произнес я. – Если не задаваться целью и стремлением, время не существует, оно просто пусто-бесконечно.

Предмет, исполняющий напоминание часов, словно услышал меня, и иероглифы начали двигаться. И казалось, что очень системно. Вслед за этим появились темные пятна, блуждающие по поверхности пещеры. Мне сразу же захотелось подчеркнуть движение умом, именно захотелось что-нибудь делать, и куда-то идти. Я понял этот неутолимый намек привычной жизни, и предмет исчез. Так сработало мое

сильнейшее намерение. Мне не очень-то было надобно чувствовать потребности, и сроки на их осуществление. Я, ну очень, полюбил состояние невесомости, и того, как я просто творю, наслаждаясь этим.

Как такое возможно, спросите вы меня. Это необходимо испытать, чтобы знать, что это не бред. – Творить просто так. Наслаждение от этого описано лишь в контексте, на самом деле – это, было пустое созидание. Но измеряя человеческим разумом – нереально экстатическое!

Исчезли «часы», пропали тени. А кто, как не время четко характеризует вытекающие моменты со светом и тенью. Чтобы совсем вас не запутать в осознании потустороннего, продолжу.

Тени действительно исчезли, хотя на стене горели «факелы», а в пещере было много предметов. Причем гулял порыв. Не могу назвать это ветерком, или даже воздухом, но порыв чего-то ощущался. Мои волосы постоянно приятно и заботливо трепались.

– Не перестаю удивляться стойкому восприятию, что твердо засело в разуме. – Сказал я, задумавшись.

Все дело было в том, что я испытывал схожие с прошлой жизнью ощущения. Все то, что дает трехмерный мир. Но здесь была иная ситуация, здесь он был многогранным, без законов и устоев. А вот ощущения были привычными. И это меня радовало. В конце концов учиться созидать, значит брать что-то за основу, как не крути.

«Мда!», скажите вы с насмешкой, вспоминая вопрос, что было первым: курица или яйцо... А вот, как вам удобно, так и считайте. А у меня на тот момент все было сразу, со всех мыслимых и немыслимых сторон.

Так вот... Продолжение созидания «уютя». На одном из функциональных предметов, скорее всего, на столе, появились красивые лепестки материи. На вид схожие с цветами. Я тут же ощутил аромат. Не носом, не телесно. Аромат пришел в подсознании. И начал уже пробиваться разумно, принося хорошие и плохие запахи. Я тут же пресек это.

– Просто красивые цветы! – Сказал я. – Полюбовался и хватит. Продолжим...

Что-то внезапно грохнуло снаружи. Для меня это стало большой неожиданностью, и я вышел. На первый взгляд, ничего не случилось. Все было в том виде, как я создал, ну по крайней мере, как я это все оставил до вхождения в пещеру. Я вошел вновь внутрь, и присел на один из предметов, чтобы обдумать, на самом ли деле это произошло, или же я услышал галлюцинацию. И как только я забылся, отпустив мысли, грохот повторился. На этот раз я выбежал. Глаза бешено бегали по пространству, но ничего не могли найти. Необычности отсутствовали. На этот раз я присел на поверхность снаружи пещеры. Мне стало так любопытно, что я решил последить за тем, что же все-таки гремит. И скажу я вам, я просидел несколько земных человеческих жизней. Я понял, что провалился в вечность ожидания, поэтому пре-

кратил это действие.

– Необычные прятки! – Воскликнул я, как бы стараясь, чтобы меня услышал источник шума.

В ответ конечно же ничего не произошло. Пустота, слуховая пустыня.

Не знаю, как я оказался в пещере снова, но мне стало там более комфортно, чем снаружи.

– Теперь более понятны причины земного страха! – Сказал я сам себе. – Скорее всего, это более чувственная игра перед неизбежным одиночеством. И дело здесь не в том, что нет никого вокруг, а дело в легкой опустошенности, которая рождает страх для развлечения разума.

Я не брал во внимание страх, как предостережение, я брал его оттенок чувственности заскучавшего человека. Человека, который ждет чего-то нового, но не может придумать, вот и получается неожиданность.

На какое-то мгновение я осознал, я все больше и больше скучаю по земным проявлениям. Это был не грохот этого мира. Я четко увидел подсознательную картину природной стихии. А звук издавала интуитивная гроза. Почему интуитивная? Да потому, что в одном из миров она была, если не в нескольких сразу. А здесь я ее просто знал, не воспринимая буквально – разумно.

Я вышел наружу, и в этот раз все случилось. Грохот возобновился, причем при мне. Он даже сопровождался яркими полосами, только не сверху вниз, как я привык, а наоборот.

Фантазия! – Усмехнулся я. – Так и хочет быть необычной, и естественно заново рожденной.

«Молния» не могла называться молнией, и не только потому, что ее направление было непривычным. Она словно состояла из другой энергии. Более разрозненной и зыбучей. И когда направление света начинало выписывать хоть какое-то очертание линий, тут же гремел гром, и «молния» рассыпалась, как песок, в который рухнула небольшая бомба. Что-то среднее, между прямое, и косвенное попадание.

По телу пошло ощущение влаги, будто полил дождь. Но его не было.

– Как быстро действует устаревший разум, – подумал я.

И как бы я не старался, ощущение сырости не прекратилось. Наоборот, я будто бы промокал все больше и больше. И в какой-то момент я поймал кайф от этого. Меня прям размазало по поверхности этого мира, насколько было приятно. Я знал, что не промок, но чувствовал сырость, приятную и освежающую сырость. Именно теперь, я понимал, что сырость не противная штука, а очень даже сногшибательно классная вещь.

– Ну и по традиции, – засмеялся я, – после того, как вымок, необходимо зайти внутрь и высохнуть, согреться и испить чашечку горячего чая, ну или хотя бы чего-нибудь горячего, что окажется под рукой.

Мне даже не пришлось делать шаг в направлении пещеры. Настолько сильно мне захотелось исполнить свое намерение,

что я тут же оказался внутри.

А в руках появилось состояние тепла и уюта. Ощущение сырости пропало. Тело будто бы прилегло и начало отдыхать. А организм наполнился чем-то горячим и успокаивающим. Я не знал, что это, чай или что-то еще, но чувства не обманывали, хотя ум дремал, и ничего не видел «реально». Еще мгновение, и я очарованный происходящим отключился. – Так здесь проявлялся сон, его не было, но он приятно и отсутственно расслаблял. Я даже видел себя со стороны, как я отдыхал, стирал сам у себя лишнюю информацию, и как блаженно отдыхал от постоянного созидательного творчества.

«Новый день» в новом мире ничем не отличался от земного, единственное, я не осознавал наступления его, как после ночи. Пещера внутри оставалась той же. И мне пришла в голову идея, я взял одну из нескольких стен и взглянул сквозь нее. Так и случилось, – стена стала прозрачной. Она не напоминала большое окно, стена ощущалась, но была совершенно прозрачной. Это дало такой мощный и ослепительный эффект, что свет от двух «небесных» светил приятно пронзил меня озарением. Словно я увидел нечто такое, чего раньше не знал. Настроение стало веселым и теплым, я был самым счастливым человеком вне земного восприятия. Да и был ли я теперь человеком?

Ко внутреннему уюту я потерял интерес также, как его обрел. Больше всего мне нравилось создавать. И пока, на пе-

щере я решил поставить точку.

Я вышел и поразился, даже прозрачная стена не могла передать того великолепия, что простиралось снаружи.

– Зарево и красота! – Восхитился я.

И с моими новыми впечатлениями к уже созданному, изменился и сам мир. Он начал раскрашиваться такими красками, которые я не предполагал в его созидании. Вернее, не знал разумно. Спектр их оттенков разнился от ноля, до постоянно расширяющейся бесконечности.

Казалось, что и сами цвета, внутри себя, делились на разнообразные узоры. Конечно же я осознавал, что это мое божественное впечатление – новый разум, дарило мне такое фантастическое видение цветовой гаммы.

– Сюда бы какого-нибудь ученого, – думал я, – он бы сразу же начал изучать и придумывать термины на эту красоту. Хотя кто такие ученые? Они и есть самые великие фантазеры!

После моих слов мир еще более раскрасился.

– Куда уж более? – Усмехнулся я. – Пора мне на время остановится. А то так и не останется места для новых впечатлений.

– Это только начало! – Наконец, хоть что-то произнес внутренний учитель. – Расширению сознания нет границ! Создавая, или проходя заново, оно всегда – это расширение, будет давать рождение...

Я осознал эти слова так ясно, будто бы их мне передал Бог,

причем лично и во всех проявлениях передачи информации.

Молчание, долгое молчание. Тишина во мне возникла внезапно. Я даже новый мир не замечал. Я находился внутри себя, в абсолютной пустоте. Но это не пугало меня. Ведь пустота – это ничего, даже без осмысления этого самого ничего. А раз я находился внутри себя и знал об этом, то эта пустота была не концом моей истории.

– Да уж, точно не конец! – Смеялся я сам с собой. – Когда я растворюсь в этой пустоте, и сам стану ей, мысли о самом себе исчезнут...

Что это было, после такого изумительного созидания? – Спросите вы. А я поясню. Так строится любой мир. Ведь, если он строится, то он для чего-то строится. Как бы это не звучало банально. А в любом строительстве есть система. Хоть на земле, хоть в разуме, хоть в новомодном слове – сознание, да везде, даже в том же все великом ничто. И именно поэтому, как ни крути, но интерес строительства, ну, или созидания, рождения – это разум. Все разум – ум, сердце, энергия, компьютерный код, интернетная информационная частичка, иллюзия, да назовите, как хотите, смысл от этого не изменится. Даже в другой вселенной, в другом измерении, в ином божественном мире, его могут назвать «Зендером», но смысл разума останется неизменным. – Это то, что существует. Как истинная и нерушимая медитация.

Вот почему многие волшебники, осознанные, просветлен-

ные, ангелы и боги, рано или поздно становятся снова обычными существами, вроде людей, старятся и умирают. Вечность без фантазии дает только уныние. А фантазия – это движение.

Я немного поясню. Человек вначале хмурится, а потом веселится. Здесь же, в новом мире, где я обрел возможность иметь мгновенное намерение – исполнение желаний, созидание фантазий, я стал более глубинным. Хмурится – для меня стало вакуумной пустотой, а веселится – превратилось во всеобъемлющую любовь. Кто еще до сих пор не понял, то всеобъемлющая любовь – это приятие. Как улыбка дождю или солнцу, без надобности – выдавать эту улыбку на показ.

Так вот, молчание. Смешно сказать, но оно продлилось сто человеческих жизней. Ведь, если со мной рядом были бы люди, то я уверен, они сто раз бы проворчали: «Как быстро пролетела жизнь!» Я этого не замечал, но в месте, где ты создал это место, все исходит от твоих мыслей или желаний. И если я сказал прошло сто жизней, значит так и было.

Меня это не напрягало так, как это бывает с унынием на земле. Не было предпосылок к осмыслению, плохо это или хорошо. Я просто осознавал, что я получаю разные оттенки впечатлений, от создания, до пустоты. Как черное и белое...

Мир не скучал. Он просто не существовал в это время. Я его создал, но он еще полностью зависел от меня. Да, мы были одним целым. Но пока что, он был сотворен «реальной мыслью». Как земля богом, после которой, этой самой «ре-

альной мысли», он научил мыслить свои творения, растворившись в их мыслях...

Именно для этого я и создавал свой мир, чтобы раствориться в нем – забыться. А пустота и тишина, в которой я недавно пребывал, это были отголоски земной усталости и отдыха в одном лице.

ОТРАЖЕНИЕ

Новое озарение. Новые мысли нового мира.

Мне стало так легко, что я мог летать. И мне хотелось создавать больше. Я решил, что свои впечатления, я могу передать кому-то еще. Так было решено созидать новую жизнь. Ну хотя бы, для начала, свое отражение. В конце концов, я смог бы с кем-то пообщаться, кроме своего внутреннего учителя. В голове не было земных идей, вроде рождения, от папы и мамы. Я попытался пойти по иному пути. – Создать материальную мысль. Получить себя, для самого же себя.

И это получилось молниеносно. Пространство здешнего мира добавилось моим аватаром, только с функциями отдельной единицы. Напротив меня стоял человек. Если смотреть со стороны, то рядом со мной стоял я. Общение сразу не завязалось. Мы будто бы пожирали друг друга взглядом, изучая, и впиваясь в каждую черту тела. Все походило на смотрины своего отражения в зеркале, не веря своим глазам, что это отражение реально. Я поднимал руку, и я,

напротив, делал то же самое. Я творил немислимые движения, и мой аватар вторил мне. И так продолжалось бы вечно, но вдруг, «мое отражение» сделало телодвижение, которое я не исполнял. В этот самый миг я осознал, я создал творение, которое мыслит и чувствует по-своему. Я создал существо, которое может жить своей жизнью, даже, если это мое творение, полностью синхронизированное со мной.

Я поражался! Несмотря на то, что сам этого хотел. Я получил результат своего намерения, но я не знал, что с этим делать. Это напоминало изумление художника, который нарисовал шедевр, и этот шедевр превзошел все мыслимые и немислимые ожидания.

Затем наступило оцепенение. Я не знал, как войти в диалог со вторым я. Мне казалось, что он все равно будет повторять каждое мое действие, каждое мое слово. Я не чувствовал от него той нотки связи, что связывает двух людей.

– Так я же больше не тот, кем был. – Говорил я сам себе. Не аватару, а себе внутри. – Я даже не знаю, человек ли я, и буду ли им когда-нибудь. Так зачем я все воспринимаю, как раньше? Зачем я хочу воспринимать свое создание по тем ощущениям, что испытывал к людям.

И в тот момент, когда я это проговаривал, мой аватар улыбнулся. И мне стало так тепло на сердце, что подобной теплоты не испытывал целый свет. Я улыбнулся в ответ. Слышите, не он, я улыбнулся ему в ответ! Это означало, что мое создание, мой сын теперь сущность, которая могла со-

здать меня, а не наоборот.

Чтобы вы понимали, я не стремился стать господином в собственном царстве – в мире, который создавал. Я намеревался получить мир, где я, как все, так и никто. Это, как переезжать в другой город, ожидая перемен, получая тот же результат. Но! Всегда есть смысл- это сделать, так как мы несем свои желания и ощущения внутри себя. И место красив мы, а не оно нас. И именно, в тот самый миг, когда мы только переезжаем, создаем что-то, у нас есть шанс начать жизнь так, как мы этого хотим.

– Может прогуляемся? – Неожиданно спросил меня сын. – Ты мне здесь все покажешь.

Я немного опешил, но долго сомневаться не стал.

– Конечно! – Ответил я. – Давай прогуляемся, и я все тебе здесь покажу.

Мы тихо мирно прогуливались по пустым просторам, где повторялись «озера», «пляжи» и «горы», ведь это была моя только что начатая фантазия. Она повторялась также, как разум, который знает только определенную информацию.

Тем не менее было занимательно гулять. Я уже был не один, и мне нравилось вести себя немного неестественно. Мы разглядывали однообразие этих мест, и восхищались. Взгляд завораживался и заставлял мозг молчать.

И когда мир понял, что мы любим его таким, какой он есть, мир ожил с большей силой. Не хочу хвастаться, но мое приятное ощущение внутри, позволило намерению

дополнить все вокруг новыми красками, и новым ландшафтом. Появились сказочные сады. Они напоминали земные, но имели такой полет души, что их красота зашкаливала.

Мы ходили рядом с странными растениями, в виде каменных бус. Бродили мимо огромных деревьев, напоминающих воздушную сладкую вату. И нам было интересно прикасаться к ним.

В момент, когда я подумал, что мне нужно, как-то назвать сына, он повернулся, и сказал:

– Меня зовут Саша.

Я, в буквальном смысле, упал. Я тут же вспомнил своего земного сына. Я боялся посмотреть на созданного сына, но все-таки сделал это.

– О боги! – Воскликнул я.

Саша был точной копией моего Саши. Затем наступило легкое помутнение.

Я очнулся только когда оказался в пещере. Надо мной склонилась голова Сашеньки.

Первый раз, за все время нахождения здесь, я прослезился. Я испытал привычные земные чувства. Хотя до этого был просто создателем. Меня сейчас не поймет нетворческий человек. Значит, меня сейчас поймет каждый. – Когда постоянно творишь, наступает момент системы, когда вдохновение становится работой разума, отдельной от позывов недр души. И остаются только вынужденные и искусственные толч-

ки чувств, для создания воодушевления. А все остальное – лишь работа...

Ну не буду вдаваться в эту полемику с извечным движением, что пока движешься, движется душа. Просто скажу так, я испытал самое сильное чувство, которое только дано испытывать любому существу. – Я увидел сына, в тот момент, когда надежд не было. Они даже не успели зародиться. Исполнение желания опередило само желание!

Что было потом, каждому ясно. Если, конечно, мой читатель не записал меня в список луноходов, что в принципе является правдой.

Мы с сыном долго обнимались, целовались, словно просто не виделись месяц, и очень соскучились. Не было мыслей о том, что мы находимся в новом мире, и только что произошла трансформация моей подсознательной фантазии, и из нее родился сын. Мы просто наслаждались с мальчишкой тем моментом, который нам выдался. Мы бегали по странному, но уже привычному «песку». Играли в какие-то корявые, но забавные игры. Почему корявые, да потому что, мы не могли почему-то вспомнить земных игр, вообще. Поэтому, мы придумывали на ходу, и это работало. Более того, здесь не нужно было отправляться в путь, например, в магазин за подручными средствами для игры. Мир тут же давал наши желания, не показывая. Как они исполняются.

Хочу сразу поправиться. Я знал, что вся магия здешнего

места исходила от меня. Но я лукавил осознанно, доверяя это все миру. Мол, я тут ни при чем. Мне просто-напросто хотелось проводить эти мгновения с сыном, не озабочиваясь, кто, и что создает. И какова здешняя реальность.

И к моему ожидаемому удивлению, все происходило отдельно от моей осознанности к этим процессам, не исключая знания, что здесь вообще происходит.

Когда мы уставали... Ну, как уставали... Когда мы начинали замечать, что практически, делаем одно и то же, не насыщая новыми играми разум, мы переключались от баловства, и шли, куда-то приблизительно к своей пещере.

– Блин, как мне это напоминает дом, – говорил я вслух, – Только есть какая-то недосказанность, недоземленность. И это нужно поддержать, чтобы не вернуться к старой модели жизни.

– Зачем ты вообще об этом думаешь? – Улыбаясь, спрашивал сын. – Просто наслаждайся тем, что есть.

– Согласен Саша! – Соглашался я. – Иначе все вернется на круги своя. Ведь по какой-то причине на земле мы растались. Значит что-то шло не так.

На самом деле, меня не волновало вообще ничего. Ни причины, ни следствия. Сейчас, мне было все равно до всего и до всех, и до того, что происходило на земле. Явной памяти не было, но я безумно был счастлив, что Саша просто со мной. И исходя из моего нарастающего возбуждения, я понимал. Что и на земле я безумно любил своего сына.

Мне сейчас не объяснить тех ощущений. Ведь в новом мире не было тех чувств, которые привычны на земле. Но по тем мощным и частым толчкам, которые происходили у меня в теле – якобы теле, я понимал, что через меня проходит мощная энергия, сравнимая с земными чувствами.

И опять поправлюсь, я написал через меня проходит, для одной целевой аудитории. Кто же меня сразу понимает, и осознает это, скажу, что все, включая толчки исходило из меня.

Опять я отвлекся от самого главного, вдаваясь в дебри своего разума, оставляя читателей без лакомого кусочка – земных чувств.

Сын ликовал, я отвечал полной взаимностью. Мы даже не старались изображать земные привычки. Вроде тех, что заставляли считать «пляж» – игровой площадкой, а «горы» – пирамиды домом. Мы делали это как-то механически, оставляя место внутри только наслаждению друг другом. Ну согласен, привычно и, как обычно. Но здесь это отличалось буквальным процессом, – ничто не отвлекало нас от любви друг к другу, ничто и никто. Вся механика, которая была за кадром, выполнялась новым миром.

Мне становилось ясно, почему на земле, разные философы так цепляли людей своей эзотерикой. Они обращали их внимание на то, что выполняла за их осознанные мысли система – мир земли. Они говорили, что рука двигается чистым намерением, и этого не нужно желать, все вос-

производится автоматически. – Волшебные, конечно, слова, и заставляющие верить во что-то новое. Но в новом мире не нужно было слушать никого. И фантазировать. Здесь можно было выбирать варианты: создавать и управлять, создавать, управлять, или не делать ничего, являясь создателем, переложив свои системные обязанности на других – на мир... И как говорят писатели эзотерики – на чистое намерение, на любовь, на свет, на первоисточник – на себя, но себя механического...

Мы очень много времени проводили вместе с Сашей. Намного больше, чем любые, даже сильно любящие люди на земле. Мы не то, чтобы заполняли все пространство собой, мы и были пространством. Ничего больше не существовало. Только наша связь, наша однородность. Я был им, а он мной. Иногда мне казалось, что это просто красивый и приятный сон. Или фильм, на кадры которого, я накладывал свои внутренние переживания. Самое интересное, что мне не хотелось об этом спрашивать сына, как обычно это делают на земле. – Спрашивают человека, который рядом про его любовь, надоедая этим вопросом до тех пор, пока человек не скажет обратное, и развернется в неизвестность.

В какой-то момент мне захотелось чего-то теплого и родного. Я попытался вспомнить.

– Ну конечно же! – Воскликнул я.

И тут же появились праздные краски, которые раскрасили

мир, словно детские площадки, что украшают дворы в городах.

Мне очень захотелось детского восторга – легкого и смешного видения. Это, как мультики, краски и движения смешные и нелепые, но смотрят все с восхищением.

Мир, на этот раз, разукрасил не я. Хорошо... Могу отмотать несколько страниц назад, и повторить – я первоисточник. Но в данный момент, мне хочется создать акцент на сыне. Именно он разукрасил мир своим сладким, и без, заботливым взглядом.

У нас появились новые площадки для игр. Всякие разные идеи с весельем тут же воплощались в жизнь. Мы фантазировали, конструировали, исполняли в кратчайшие сроки – тут же. И внутри себя я немного беспокоился. Я думал, что не зря на земле придумана система, а особенно с деньгами и их заработком, – там понимали, что рано или поздно все фантазии закончатся. И чтобы их притормозить, были внедрены разные барьеры, вроде работы и лимита в заработной плате. Мол, если бы все были волшебниками, то все всё бы исполняли на раз, причем это исполнение бы превратилось в один миг – в пустое ничто, как исполнение желания внутри самого желания.

Ну не буду вас опять нагружать мракобесием, и скажу только то, что я и в новом мире стал много думать...

– Не переживай пап, – однажды подбодрил меня Саша, – фантазии никогда не закончатся, они могут быть вечными.

Главное не осознавать себя всем всегда. Тем всем, что может все и сразу.

Я оторопел от таких слов. И понял, что лучше не шутить с моими мыслями. Мой ребенок, из-за моей человеческой глупой паники, превратился во что-то умное, в чистое сознание, для подсказки мне. Для более высшей оплеухи тому, кто возомнил себя богом.

Я обернулся к Сашке, крепко, но нежно обнял его. Мы поцеловались, и слились в самых таинственных объятиях. Я обожал этот момент. Я обожал Сашу. И я чувствовал, не то чтобы взаимность, я чувствовал полное единение. Полнейшее приятие.

А когда мы отвлеклись друг от друга, за нашими спинами появилась куча непонятных возвышенностей. Они походили на американские горки, только с более сложной геометрией. Мы тут же поняли, что это здешние аттракционы. Кстати, вам, дорогие мои читатели, я тоже советую, как и мы советовали с сыном сами себе, забывать иногда о том, что мы сами создавали тот мир. – Так интересней удивляться, тем же, хотя бы аттракционам.

Мы зашли внутрь этих непонятных сооружений. И нас какая-то сила подняла на самый верх. И как только этот «аппарат» запустился, мы узнали, что это на самом деле такое. Это оказался многофункциональный комплекс, где есть все и сразу. Причем, как реально, так и виртуально, да еще и одновременно. За один пробный раз мы испытали все, что

только можно было испытать на земле. И даже больше. В какой-то момент мы улетели в какую-то бесконечность, в бескрайнюю фантазию, безграничный аттракцион.

Мгновенным намерением, я остановил этот аттракцион, взглянув как-то странно на сына.

– Вот и первые границы разумного! – Серьезно сказал Саша.

И ведь правда, думал я. Я включил земную, излишнюю заботу. Увидев в этом аттракционе отрывов, некую наркотическую связь. Типа, – ребенку это противопоказано.

Мы с сыном переглянулись, и рассмеялись.

– Да уж! – Сказал я. – Ох уж эти оковы ума.

Потом мы вышли из этого идейного аттракциона, и увидев новый, тут же поспешили к нему. Тут, все было наоборот. С виду он представлял одинокую маленькую горку, скромно ютившуюся во дворе. Но такую родную, что на безрыбье и рак рыба. – Это сейчас был юмор. Мол, когда нет ничего, подойдет и горка, и на ней можно устроить грандиозное веселье.

И я не ошибся. Горка была полна сюрпризов. Вначале мы сделали какие-то странные манипуляции с ней, вроде, как на земле – катались, только странным образом. Смешно сказать, но мы скорее всего имитировали катания. Хотя, потом началось самое увлекательное, горка могла удивить также, как и предыдущий аттракцион, но она была предназначена сделать это постепенно. Так с имитации катаний, мы пере-

шли на реальные спуски, причем расстояние их постоянно увеличивалось. Расстояние, сама горка, мир, все менялось на глазах, хоть и постепенно. И это очень забавляло – нарастающий кайф, самый интересный и желанный кайф.

Чтобы вы понимали, с ощущениями полета с горки, нужно принимать во внимание, и виртуальные ощущения разума. Все-таки, это необычный мир. И если бы мы просто прокатились с обычной горки, то мы тут же оказались бы в земной реальности, ну или по крайней мере в привычном для людей сне.

Хотя, сын мне как-то сказал: «Пап, неизвестно, кто, где, и как видит сны. И чей мы сон... А кто является нашим сном...»

В принципе, я согласен, ведь именно приятие меня сделало создателем нового мира. А почему в принципе, – ну нужно же оставлять место для маленького сомнения. Так будет чуточку интереснее. Это, как говорить с собеседником об одном и том же, но в каждой фразе, вначале, вставлять слово: «Нет!» И продолжать диалог в согласии с собеседником. Никогда не замечали такого? Так проследите за своими диалогами осознанно.

Горка нам очень понравилась, мы на ней провели, наверное, лет двадцать земной жизни. Тем более нас некому было загонять домой. А самый пик впечатлений мы испытали в конце катаний, когда этот аттракцион дал нам такие же впечатления, как и предыдущий мозговзрыв – испытание всех

чувств и ощущений одновременно, как реальных, так и виртуальных. И что хочется добавить, не перестаю удивляться бесконечности фантазий, но на этой горки мы продвинулись чуточку дальше по впечатлениям. Пусть самую малость, но мы это сделали. – Словили новый кайф. И на этот раз, я не противился новому, не включал грозного папашу.

Смешно подумать одну вещь, – Когда начинаешь в другом мире осознавать предыдущий. Где человек, долгое время, не видя другого человека, вновь с ним сходится, но тут же начинает надевать свою привычную роль, – звание. Вот так и со мной произошло, даже в новом мире, благо, я это сразу же пресек. Тем более, не говоря о вас, я и сам до сих пор не знаю, кто создал моего сына в новом мире, потому что, я иногда думаю, что это именно он создал меня.

Запутал?

Вот и хорошо, запутал, значит подарил новую надежду, на новую истину. Поехали дальше...

На этом наш парк развлечений не закончился. Нет, мы могли бы, конечно, чередовать развлечения с какими-нибудь серьезными увлечениями. Но это был новый мир, и у нас еще не существовало ничего серьезного. А тем более, ни это ли мечта всех отцов – быть с детьми самими собой, без нравочений.

Следующими на очереди были какие-то канавы, в прямом смысле. Они выглядели, как продолговатые траншеи, но нас это не останавливало. Мы знали, что будет приятный

сюрприз. И хотели поскорее испытать новых ощущений. Мы подбежали к ямам, и удивились. Они не выполняли никаких функций.

– Печально, – сказал сын.

– Почему? – Спросил я.

– Если что-то не работает, не двигается, значит у него нет предназначения. – Ответил сын. – Значит оно не живое.

Я знал, что сын не печалится, просто пытается пофилософствовать. И он мне улыбнулся. Мы обнялись, осознавая, что такое жизнь – это движение, предназначение!

Мы долго простояли возле канавы. Почему долго, если в новом мире не было времени? Потому что в ожидании, время появляется...

Новый аттракцион специально нас испытывал. Мы, до этого, получили такую массу впечатлений, что скорее всего, именно на этом этапе веселья, мы бы провалились в своих ощущениях. Нет, мед конечно же всегда сладкий, но и про ложку дегтя не нужно забывать. Тем более новый мир, не сильно отличался от привычного, где, чтобы увидеть что-либо, необходимо видеть и противоположность. Ну, во всяком случае, так происходило из-за того, что знания я черпал из воспоминаний, как ни крути.

Думаю, в дальнейшем вы меня поймете, пройдя хоть какой-то путь от разума к сознанию, где разум не исчезает никогда, как и сознание. Как бы их не делили писаки и фантазеры.

Поясню. Как я уже когда-то писал в своем стихотворении – Ведь память – есть все я! И как не беги от себя, к чему-то более возвышенному или низменному, без разницы, все равно будешь находиться на соседних воспоминаниях. Или, как пишется в разной литературе: на соседних – вибрациях, расстояниях точки сборки, языковых барьерах, планетах... И множество того, что находится хоть как-то узнаваемым...

Осознаю, что каждый поймет, именно для себя смысл!

Произошел небольшой провал. Мы с сыном оказались в незнакомом пространстве. Единственное, что мы знали наверняка, это то, что мы находились в новом – Нашем мире. Просто переместились в незнакомую голограмму нашего восприятия. Было похоже на то, когда все выходные как следует погулял, а в понедельник пришел на привычную работу, но словно попал в вакуум.

Мы вспомнили про последний аттракцион, из-за которого все так и произошло. И новое пустое пространство напомнило нам ту яму.

– Теперь немного стало понятно, – сказал я сыну, – почему траншея оказалась просто пустой ямой, а не новым аттракционом. Мы исчерпали свою явную – разумную фантазию. И приблизились к неизведанному.

Сын меня понял. Каждый мечтает уйти из привычного, перейдя в состояние свободы. Некие небесные врата, где находится изобилие всей информации, и где можно черпать

новые фантазии и чистое намерение – их исполнение. Но, как часто бывает, все сталкиваются с тем, что они чей-то продукт. И в чистом сознании – пустоте, не могут придумать ничего нового, как только то, что уже есть в памяти – в прямом, или соседнем восприятии.

– Ну что же пап, – сказал Санькин, – давай тогда просто наслаждаться друг другом, вместе что-нибудь придумаем.

Обожаю слово – «Просто». Оно и у сына в некой словесной программе, что приятно радует. Там, где все просто, там – просто!

Мы так и сделали. Забыли про бывшую пещеру, последний не работающий аттракцион, и про то, что что-либо необходимо помнить.

И у нас все получилось. Мы просто беседовали. Бродили по пустынным просторам. Делились тем, что видели в друг друге, находя схожести и различия. И даже не заметив для себя, мир и в этом пустынном месте преобразился. Он стал веселее, красочнее, и естественно интереснее. Появился новый дом, правда уже не пещера, а что —то вроде зеленого пятачка. Как лужайка среди леса, только в более необычном и компьютерном исполнении. Не было навесов, стен, какого-то смысла на обогрев, или прохладу. Это просто была временная зона, в которой мы время от времени отвлекались от общего пространства. Почему много раз сказал про время, да для того, чтобы хотя бы книгу донести до вас, исходя из знакомых слов – это, как карта местности, куда нужно

прийти. А уж там, на этой местности, можно немного и потеряться, оставив небольшой якорь. Понимаете? Если нет, то забудьте, и погнали дальше...

Однажды сын спросил:

– Пап, а что все-таки мы такое?

Я его обнял с самой нежной заботой, что только существует. М ласково поцеловал в макушку. Такую сладкую и родную.

Сын задал самый естественный вопрос, для обычного земного мальчишки. И здесь, в новом мире, мне было очень приятно осознавать эти слова. Нет, даже не осознавать, а любить эти простые и наивные слова, что формировали глубокий вопрос неведения. – Той искры, что рождает необъятные просторы фантазии. Ведь в неизвестности все гораздо интереснее и загадочнее.

Не знаю, как так получилось, но были разные периоды, которые мы не могли отследить разумно, ну или хотя бы, наблюдая. Мы то находились в одном пространстве, то в другом. У нас не было привязки к месту, к впечатлениям, каким-либо делам. Даже друг к другу, несмотря на сильную связь. Случались вспышки радости, где мы были неразлучны. Но были и провалы, когда наступала пустота, не важно, белая или черная – она была нейтральная всегда. Но пустота. Я оставался один, осознавая, что и сын сейчас совершенно одинок, ну в смысле, без меня, и кого-либо другого, кроме

себя самого...

И это, хочу вас заверить, совершенно не расстраивало нас, и даже не сбивало с толка. Пусть новый мир и являлся волшебным, но и в сказке иногда черному хочется отдохнуть от белого.

Как-то раз, мы ни слова не говоря, вознамерили одно и то же. Случился словно щелчок пальцев. И мы оказались на пустынной земле. Нам очень захотелось повидаться, и вдохнуть аромат родной природы. Почему пустынной? Потому что наш внутренний дух, что сформировался в новом мире, исходя из чувственных привычек земли, был не готов увидеть других людей. Наверное, мы оба хотели создать новый мир, не возвращаясь в прежний. По крайней мере, пока.

В тот самый момент я чувствовал, как меня манил новый мир. Новая связь, даже слегка выворачивала меня изнутри. – Вот, что значит чувствовать единение с миром. Вот, что значит быть миром. И понимать связь не только бога и человека, а всего существующего, и не созданного.

Мне всегда нравился настрой Сашульки. Он и на земле всегда был веселым добрячком. А здесь, в некоторых моментах, он даже заменял мне отца, как бы это не звучало парадоксально. Вот Вам и ответ, на вопрос – «А был ли в новом мире уют? – зона комфорта». А как же без нее! Понятно, что жизнь постоянно бежит из этой зоны, создавая движение в любую сторону. Но и жизнь, иногда закрывает глазки, лежа

на мягкой и уютной подушке.

Мы всегда с Сашей заменяли друг друга. То я его оберегал от того, чего не было. То он меня. Мы, как и люди на земле – просто проигрывали разные роли. Но только в новом мире, мы это делали глубоко осознанно. Нам это настолько нравилось, что мы исключали любую механичность. Любую мгновенную привычку, – лишь бы, да как бы...

Теперь, когда мы посетили землю. Мы стали делать это чаще, но появляясь в разных местах земного шара.

– Хоть так попутешествуем по прежнему миру! – Говорил я иронично, обращаясь к сыну.

Он весело кивал одобрительно головой, и мы звонко смеялись. Кстати, смех в новом мире был схож с легким экстазом, например, как от первой рюмки коньяка. Естественно, смех и так очень приятен человеку. Но здесь... М-м-м... Смех напоминал процесс смакования дольки шоколада. При условии, что безумно обожаешь шоколад, а эта самая долька досталась тебе после годового воздержания. Я специально дал такое развернутое сравнение, чтобы вы в полной мере ощущали мой пережитый опыт. А почему пережитый? Да потому, что я давно создаю другой мир. А в том, про который пишу, живете вы...

ЛЮБОВЬ

Не было времени, не существовали привычные запросы,

и стремления их исполнить. Не было постоянной системы, которая диктовала свои правила, и без следования им, выкидывала на помойку. Ведь это был новый, создающийся мир. Где пока не хотелось даже изобретать мысль – откуда все берется. Было не важно, намерение ли это, или волшебство, или сила тока, механическое воздействие. Я понимал, что как не крути переключатели вечности, все равно придешь к одному и тому же. – Что ты разговариваешь интуитивно на расстоянии, что ты используешь провода для передачи сигнала, да и беспроводные наушники, которые за счет полифонии передают тебе звук, имеют тот же алгоритм передачи – захотел услышать, – услышал!

Я знаю, что иногда нелегко понимать ту или иную суть, и разуму всегда нужно объяснять, что, да почему. Да и это прекрасно! Поясню, попытайтесь дойти до уровня – я все знаю, потому что я это и создал. До момента, когда ничего не нужно объяснять, и так все понятно, потому что по-детски наивно и банально. – Все приходит туда, из чего исходит. Поправлюсь, это звучит сложно, и хочется вновь спросить: «Нет, а что же было все-таки первым, и откуда все появилось изначально?», только тогда, когда это не видишь явно – не осознаешь. И не пытаешься понять, исходя, из мне так сказали, значит это правда!

Еще раз подытожу – ответы только в вопросах! – Только создатель знает все. И пока вы считаете себя иными существами, то спрашивайте и ищите истину... Ничем не могу

ПОМОЧЬ...

Все происходило очень просто. И связано это было с тем, что земные чувства отсутствовали в том наркотическом состоянии зависимости, как на земле. Здесь они служили лишь оттенками, и отражениями для существования разума – двойного кода.

И несмотря на это, любовь здесь присутствовала. Все здесь было любовью. Хоть этот мир я и назвал – «Добро», но в первую очередь, он есть – любовь!

Старые привычки все равно заставляли скучать по времени – логике. А время заставляло скучать по чувствам. А чувства по любви. Но, что парадоксально – этот мир являлся любовью, и скучать было не по кому.

Надеюсь, вы уловили, что я по-прежнему оставался человеком с новой ролью создателя. Ведь, кто еще, как ни человек не знает, что он хочет. Смешно. Мне. И я хочу, чтобы и вам стало от всей этой философии.

Поймите, жизнь здесь и сейчас! Именно поэтому, неважно, ищите вы истину, или нашли. Просто живите сейчас. И наслаждайтесь этими поисками, или тем, что обрели!

Любовь плотно коснулась нас с сыном. И даже, если не брать во внимание то, что мы создали этот мир, и конечно же саму любовь, то это было понятно по той связи, что нас соединяла. И я даже не говорю сейчас про эмоции, и их впе-

чатления. Я говорю про то, что мы были рядом друг с другом – Это и являлось любовью!

– Пап, я очень сильно тебя люблю! – Как-то сказал мне сын, даже не зная того, что на земле так принято, из-за желания взаимности, или просто так – по привычке.

– Я тебя люблю, мой малыш! – Не отвечая, ответил я!

Никто из нас не отвечал. Каждый выразил любовь первым. Ни сыну, ни мне, не хотелось получить взаимность. Мы знали оба любовь. Мы знали, что каждый любит. И мы создавали любовь без желания получить. Мы хотели ее давать.

В эти мгновения, когда любовь была не только всеобъемлющей, но еще и нашей, мир помогал нам. Он поддерживал наши мысли и действия своей связью. Ведь мы находились в этом мире, а значит мир являлся нашей коммуникацией. Я через мир дарил любовь сыну, а он ее дарил мне!

У меня не было земной памяти. Вернее, ее не осталось. Она, как пятно на стене тысячелетней давности. Вроде присутствует, напоминает о себе, но точной информации о себе не несет.

Я не помнил тех моментов, которые заставляли меня передвигать ноги по земле. Не знал и того, что меня связывало с близкими и родными, помимо родственности. Не ведал причин дружбы с друзьями, за исключением самого осознания дружбы. – У меня не осталось конкретики, разумного объяснения прежней жизни. Но одно, я почему-то помнил – я расставался с сыном на земле. И это настолько связывало

меня там, что и здесь, в новом мире, первым отражением моей речевой мысли стал Саша. Я без эмоциональный создатель, существо, которое должно было иметь холодный расчет, чтобы ваять мир без изъянов, не заметил, как стал самой сущностью любви. И моя любовь, это был мой сын. Был, есть, и будет. Вечно!

Почему сейчас я так пишу, что у вас мурашки идут по коже? Да потому что истина заключается в искренности – в прямом знании того, что создал, а потом растворился в этом. И истина – это венец всех человеческих поисков.

Нет, я не претендую на истину, я лишь маленький отрывок из ее главы. Но свой отрывок я могу передать вам во всех красках. А они помогут вам приятно скоротать тот отрезок времени, что вы себе придумали, для прочтения моей книги. Или вашей... Которую вы написали, а потом через меня решили прочесть...

Ну, вернемся к любви. Я специально чередую рассказ и эзотерические мысли, чтобы разными оттенками обаять ваш разум. И мне это хорошо удается. Так вот, любовь в новом мире встала вновь на пьедестал всеохватывающей энергии. Только она пока еще была очень юна. Ведь мы с сыном взяли ее из подсознания, и вновь создали. И маленькими, осторожными шагами, любовь вырвалась из-под нашего крыла, окутав нас собою.

Теперь я точно понимал, почему новый мир подарил мне вечность с сыном. Ведь мир был новым, и земного разумно-

го объяснения времени не было. А соответственно и не было такого чувства, как страх. Страх перед однообразной вечностью.

Кто-то, возможно, сейчас будет возражать. Мол, что здесь страшного – вечная любовь. Хорошо, я отвечу. Вы сейчас попробуйте успокоиться, отбросить все мысли, и обсуждение моих строк. А просто представьте вечность. Нет ни края, ни конца. Нет оттенков любви, ее противоположностей. Нет ничего, кроме любви. Она постоянна и незыблема. Да так, что кроме нее нет больше вообще ничего. Даже вы растворены в ней полностью. Да вы, и есть любовь. Вечная любовь. – И понимать ее разумно некому. Любовь-любовь...

Ну как? Где будут тогда Ваши мысли, споры, и обсуждение любви? Вы стали ничто – вечная любовь...

Вот почему в вечной любви, любая самая нано вспышка, самый незаметный, и практически несуществующий отголосок – оттенок рождает несуществующую для любви разумную частичку. Таковую, например, как земля. Или вы. Или я и мой Саша. И мы самым яростным способом пытаемся доказать любви, что мы существуем, называя ее богом, инопланетным существом, технологией. Да просто даже любовью, о чем она, собственно, и не знает, что она любовь. И что она – это она, а не он, или ничто.

Но и в этой бесконечной, вечной пустоте есть веселые краски. Это соседи. – соседние энергии этих самых несуществующих вспышек. Это я. Мой Саша. Это вы. Это то, что

начинает считать себя, как кто... Сейчас я смеюсь, когда пишу эти строки. Философия иногда убивает своим постоянным нытьем. Но именно она и создала нас с вами. Именно она создала любовь из вечного ничто.

Так что мои дорогие, это упоительное путешествие по вашим мыслям я буду продолжать в таком же духе. Иногда, вставляя, как кто-то встал, сел, или лег. Давайте вместе создавать этот новый мир. Нашими мыслями, и вспышками. И так, как мы есть информация – маленькое незаметное пятнышко на бескрайнем поле чистейшей любви, то есть шанс превратить это пятнышко в узор счастья. А какая гамма будет задана этому узору решать только вам. Для меня и ужас – есть любовь! А для вас?

Однажды, мы проснулись. Да, да, именно проснулись. На этот раз мы с сыном, после пробуждения, не стремились создавать новое. А мы вспомнили то, что было до сна. Я не говорю сейчас что мы опять прибегли к тому, что уже было. В нашей жизни на земле. Я только описываю ощущения перерождений в новом мире. Их небольшие границы, которых для меня нет. Но вот, если я не буду расставлять эти разумные границы, вы обнаружите пустые страницы в моей книге...

Хотя, кто знает, может вам только кажется, что вы вообще что-то читаете...

Мы проснулись, и первым делом я осознал, что я креп-

ко обнял Сашу. Это было проявление заботы. И самое вкусное в мирах – это забота, после обнуления – после забытья. А сон – это одна из наивысших степеней благой очистки в арсеналах смерти. Про эту тетку, смерть, я не буду писать, чтобы вас не пугать. Но скажу вам, ее я обожаю больше всего на свете, и вне его. Для слишком прагматичных поясню, – я обожаю свою смерть!

Мы проснулись, и наше объятие было спонтанным. Таким сладким, что захотелось ему дать название, ну, например, как утро на земле, только более всеобъемлющее. И мы назвали его – любовью.

Глазки открывались медленно, но с удовольствием. Я смотрел на Сашу, он на меня. Было полное молчание, и действием, и мыслью, и речью нового мира. Кстати, только сейчас понял, что мы осознавали, что разговаривали, но не навешивали языковых форм общения – физического проявления речи.

Саша протянул, после объятия, ко мне руку, к лицу, и погладил по щеке. Да так неловко, и по-детски, по земному, что все мое тело, которое я в новом мире не чувствовал вообще, стало ощутимо. Это было незабываемо приятно. Познавать то, что еще не знаешь. И это так и есть, – памяти о прошлых ощущениях у меня не было, а новые – являлись новыми.

Мы улыбнулись, причем, ни один миллиметр на наших лицах не шевельнулся. Это была настолько глубинная и внутренняя улыбка, что физики не понадобилось.

Сейчас трудно рассуждать о физических проявлениях там. Сейчас, здесь, когда я вернулся, чтобы передать, что новый мир готов, и я вместе с моим сыном, ждем всех вас, – я не могу соединить две силы движения в разуме, для их сравнения, там и здесь. Там – это движения создателя, здесь человека, лишь передатчика информации. Но могу точно сказать с уверенностью, здесь на земле ты уже привык ко всему, особенно в определенном возрасте, и каждое движение – лишь автоматическая механичность. А там, движение вновь создается, и оно волшебно. Как первое слово, или первый шаг. Как рождение сына!

Да! Осознание – это только начальная стадия новых миров, как пишут в книгах. Осознание осознания – вечность под наблюдением высшего разума – это сверх поэтично и созидательно.

Знаете, почему так проникновенны эти слова? Да потому, что, создав новый мир осознания созидания, в любом мире каждое слово будет нести осознанную мысль. А она, эта самая мысль, невероятно близка к высшему ничто, откуда все и происходит. Надеюсь, юмор осознаете? – Высшее ничто... А юмор – это истина. Только искренний юмор. Ведь истины нет... это лишь путеводитель в пустоте...

Ладно, не буду больше юморить. Пора знать меру, пока вас не накрыло состоянием слепой веры. Вспоминайте о тишине, о безмыслии. – Не о выдуманном, что советуют болтуны, отделяя разум от души и тела, что, собственно, едино.

А о мимолетном отвлечении, ведь в иной степени, миг – это вечность. Понимаете, о чем я? Если нет, то не суть...

Когда мы лежали с Сашей и любовались друг другом, корча нежные лица от счастья. Мы даже не задумывались о том, что раз он сын, а я отец, то должна быть и мама. Сразу поясню, чтобы на будущее не возникало вопросов, что я исключил женщину. Это новый мир, и мы с Сашей вдвоем, – всего-навсего вспышка моей фантазии (реальности) нового мира. И все исходило из меня, как первоисточника. Мама там тоже присутствовала. Я был миром, собой, Сашей, и конечно же мамой. А если кто-то не согласен, то пора закрыть эту книгу, и открыть обычный роман с семейными и земными расстановками.

Признаюсь, иногда мы настолько сливались в своих чувствах нового мира, что я замечал наше слияние. Полное. Мне даже казалось, что все это только я. Я один. Но потом, этот цифровой глюк с прежнего разума пропал. И мы вновь с Сашей были вдвоем.

Не знаю, как так получилось. Мы, честно говоря, не делили себя на сына и отца, это я так для вас обозначаю, чтобы вы понимали. Но я начал учить Сашу созидать мир. Только он создавал мир в миниатюре. Знаю... Напоминает земной принцип осознания людей. Старший показывает младшему мир, на примере игрушек и мультиков, постепенно одевая их в более взрослые «одежды».

И знаете, что произошло? Сын не стал повторять за моим

учением. Он создал, что-то свое. Самое прекрасное на свете, и за его пределами. И я не оспаривал это. Не пытался навязать свою точку зрения. Не говорил, что это идет в разрез с системными нормами созидания...

Я принял его мир, как свой личный шедевр. – Вот где кончается грань старшего и младшего. Мы были едины. У нас не было возраста. Именно поэтому, я ранее написал, что иногда было непонятно, кто, и кого создал. Я его, или он меня.

Мы мир, или он нас...

Кстати, у Саши получилось лучше, чем у меня. Это говорю только сейчас, чтобы дать вам разумную степень. Там этого не осознавалось. Но сейчас, вернув человеческий разум, понимаю, я был неким пятном из прошлого, не помнящим его, только подсознательно. А Саша был исключительно чистым. Как и сейчас естественно – не забывайте, что мы вечны. И прошлое время, только для хода земной мысли – направления книги. Его мир также излучал чистоту, более кристальную, чем это можно себе представить. Его новый мир, был моим, только с чистым дуновением ветра. Он являлся, и является новой зарей вечного сияния.

Мы долго наблюдали за его творением. Оно было настолько чистым, что в нем можно было много чего добавить. Но мы не хотели. Мы зачарованно наблюдали за ним, как за огнем. Как за чьим-то творением, будто бы не нашим.

Саша даже пошутил:

– А знаешь пап? – Не забывайте, что неизвестно, он это

спросил у меня, или я его... – Даже больше ничего не хочется создавать. Мне очень хочется раствориться в нашей любви, которая позволила нам сотворить это вместе!

Услышав эти слова, я так и сделал. Я растворился в Саше, а он во мне!

Мы надолго отключились из той нарисованной реальности. Где, и как мы блуждали, неизвестно. Но это были самые нежные моменты. Нет, они даже рядом не валялись с шелком. Это были моменты, которые создали этот шелк. И все, что только может оценить его нежность.

На этот раз это был не сон. Не отключка, не перезагрузка. Это была вечность. Вечная нежность, которую нам дарила любовь. Ой, ребята! Скажу я вам, это не передать словами. Вечная нежность, из которой есть выход в любовь! М-м-м-м! Этим мычанием я заменил высокие слова.

Теперь у нас было два мира. Маленький, с которым мы весело игрались. И большой, с которым мы также задорно проводили, якобы время. Иногда мы даже путали их места, ну, как бы заигрывались, и с нами происходили всякие странные, но забавные вещи. И это можно охарактеризовать материально. Все происходило, вплоть даже до перемен в нашей внешности. Словно мы устроились на пол ставки в театр. Почему на полставки? Да потому, что мы гримировались и отыгрывали роли на половину. Как пластилиновая фигурка, попавшая к трехлетнему малышу.

Наши тела принимали нелепые формы, про лицо я вооб-

ще молчу. Один только смех. И мы совершенно не думали, и не переживали, что все это так и останется непоправимым. У нас и мысли не было, мол, мы такими и останемся.

А самое главное, что я веселился даже больше Саньки. Он хотя бы иногда останавливался, и смотрел на все это с вопрошающим видом. Я же вошел в конкретный раж. В какой-то момент мы с ним слепили такую фигуру из себя, что со стороны это была общая бесформенная, с человеческой точки зрения, масса. Но мы, как ни странно, чувствовали себя очень комфортно, и даже как-то привычно. Естественно, мы и до этого момента ощущали сильное единение. Но тут... Это непередаваемо! – Чистейшее осознание двух в одном целом.

Что было дальше с этим пластилином, я лучше промолчу, потому что мы перепробовали все свои фантазии из школьной программы лепки. Иногда наши фигуры меняли плотность пластилина, отождествляя себя с прототипами.

– Пап, так классно! – Воскликнул сын, только было не ясно, кто именно, он или я.

Все настолько перемешалось, что мы перестали следить даже за осознанностью единения и частности. Осознание растворилось, превратившись в детский конструктор – лишь бы интересно и весело.

Затем начались разные вариации игр. Мы не просто меняли мир, а вслед за ним менялись и мы. Теперь перед нами стояла задача сделать все наоборот. Мы отрывали от се-

бя, понимайте это как хотите, смеюсь... Мы отделяли от себя кусок пластилина, лепили из него фигурки и это сразу же проявлялось в мире. Он дополнялся тем, что мы слепили, только в макро-пропорциях. Вначале это были неказистые и неровные геометрические фигуры, чем-то похожие на земные. Но впоследствии, мы решили придавать им замысловатые и трудоемкие формы. – Так рождались наши первые материальные труды. Сразу поясню, материальные – я так обозначаю труд физического земного тела. Можно все это заковать в кавычки, так как в новом мире, все обстояло немного иначе. Но чтобы вас не запутать теми ощущениями, тем восприятием, я буду это обозначать, как физику, материю.

Рядом с нами возникла такая же пирамида с пещерой – «гора», как та, в которой мы обитали, что ранее я воздвиг чистым намерением. Только теперь этот процесс получил посредника – лепку макета.

Ну как вам? Схоже с земной системой, где между собой и собой всегда есть посредники. И я вам скажу так, какие бы миры я не посещал, какие бы не создавал, все они имеют систему. А в процессе, все эти системы сходятся в одну, идентичную с земной. Ну только названия и декорации бывают немного с другими оттенками. А так, все то же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.